

В воздухе Кандора ощутимо пахло новой весной, и Лан возвращался на север, туда, где ему - он всегда знал это - суждено умереть. Ветви деревьев обметало рыжими хлопьями набухших, готовых вот-вот лопнуть почек, и там, где снежные заплаты уползли в тень, в бурой прошлогодней траве виднелись редкие луговые цветы. Но солнце грело слабо, совсем не так, как на юге, а резкие порывы ветра пробирались под куртку, и серые облака предвещали отнюдь не дождь. "Почти дома", - подумал Лан. Почти.

За сотни поколений широкую дорогу утоптали до каменной твердости, не уступавшей окрестным скалам, и пыли почти не было, хотя к Канлууму двигался целый поток запряженных быками телег - это фермеры спешили с утра на рынки. К высоким городским стенам медленно стекались и купеческие обозы; высокие фургоны окружали конные охранники в стальных шапках и в разрозненных доспехах. Кое-где глаз замечал цепочки на груди - знак принадлежности к гильдии кандорских купцов, а их собратьев по ремеслу из Арафела отличали маленькие колокольчики. Там сверкнул красовавшийся в ухе у мужчины рубин, здесь тускло блеснула жемчужная брошь на груди у женщины, но в большинстве своем одежда торговцев была столь же неброска, как их сдержанные манеры. Купцу, склонному к роскоши, не видать выгодных сделок, а значит, и барышей. Фермерский же люд, направлявшийся в город, напротив, свой достаток выставлял напоказ. Мешковатые штаны размашисто шагавших селян украшала богатая вышивка, ничем не уступая в этом женским нарядам; хлопали на ветру яркие плащи. Можно было подумать, что все они принарядились к праздничному застолью и танцам близкого уже Бэл Тайн. Однако деревенские косились на чужаков с той же настороженностью, что и купеческие охранники; те мимоходом кидали взгляды исподлобья да перехватывали поудобнее копыта или топоры, Тревожно ныне в Кандоре, да и во всех Пограничных Землях. Разбойников за минувший год развелось не меньше, чем сорняков, и Запустение хлопот доставляло не в пример обычному. Ходили даже слухи, будто появился мужчина, способный направлять Единую Силу. Чего- чего, а таких слухов всегда хватало.

Лан вел своего коня в поводу и, шагая в сторону Канлуума, почти не обращал внимания на взгляды, какими путники окидывали его самого и его товарища, и на хмурый вид и недовольное бурчание Букамы. Букама воспитывал Лана с колыбели - Букама и еще другие, кого теперь уже нет в живых, - и Лан не помнил на его обветренном лице иного выражения. Даже когда Букама произносил слова похвалы, лицо его оставалось хмурым. На сей раз ворчал он потому, что лошадь сбила камнем копыто и ему пришлось идти пешком. Ну, если бы не копыто, сыскалось бы что другое.

Неудивительно, что на них оглядывались - двое очень высоких мужчин в изрядно поношенной простой одежде, припорошенной дорожной пылью, шагали рядом с верховыми лошадьми, ведя в поводу еще и вьючную, с парой выдавших виды плетеных корзин. Однако об упряжи и своем оружии их владельцы явно заботились. Один в летах, второй - помоложе, у обоих - волосы до плеч и прихвачены плетеным кожаным шнуром. Именно хадори притягивало взоры. Особенно здесь, в Пограничных Землях, где кое-кто еще не забыл, что значит эта кожаная лента на голове.

- Вот дурни, - пробурчал Букама. - Неужели принимают нас за разбойников? Думают, мы их всех ограбим тут, на проезжей дороге, средь бела дня?

Он глянул по сторонам и поправил у бедра меч, отчего несколько охранников немедленно уставились на Букаму. Коренастый фермер отвел свою запряженную волами телегу подальше от греха и от двух чужеземцев.

Лан промолчал. За теми Малкири, кто все еще носил хадори, укрепилась репутация чуть ли не разбойников, однако напоминание об этом наверняка заставит Букаму с черным юмором отозваться о нынешних временах. Он и так-то ворчит о том, каковы их шансы сегодня вечером улечься в приличную кровать, и при этом не на пустой желудок. Букама редко жаловался, хотя

подчас и впрямь приходилось ночевать под открытым небом или без еды; обычно он лишь сокрушался об упущенных возможностях да сетовал по мелочам. Он мало чего ожидал от жизни, а надеялся и на того меньшее.

Мысли Лана занимали совсем не еда и не ночлег, хотя дорога выдалась длинной. То и дело он поворачивал голову и смотрел на север. И еще он не пропускал ни одной подробности, ни одного человека, особенно тех, кто глядел на него больше одного раза; он слышал звон упряжи и поскрипывание седел, стук копыт и хлопанье болтающихся на ветру парусиновых покрышек фургонов. Обращай внимание на любой необычный звук, услышанный на дороге, - таков был первый урок, который Букама с товарищами вбили Лану еще в детстве: даже во сне ты обязан знать все, что происходит вокруг. Лишь мертвому дозволено забытие. Лан так и поступал, тем более что на севере лежало Запустение - там, за холмами, в милях пути отсюда, и он чувствовал его, ощущал его порчу.

Пусть то было лишь в воображении Лана, какая разница! Запустение напоминало о себе, когда Лан был на юге, в Кайриэне и в Андоре, даже в Тире, почти в пяти сотнях лиг от него. Два года проведены вдали от Запустения - тогда он отложил свою личную войну ради другой, и с каждым днем незримый тяж становился крепче. Для большинства людей Запустение означало гибель. Смерть и Тень, гниющая земля, испоганенная дыханием Темного, где убивает все. Где все меняется, стоит лишь отойти на несколько шагов. Запустение напирало на рубежи четырех стран, но свою войну Лан вел по всей границе с Запустением, протянувшейся от Океана Арит до Хребта Мира. И не все ли равно, где встретить смерть? Он уже почти дома. На пути в Запустение.

Стену Канлуума обегал ров - шириной в пятьдесят шагов и глубиной в десять; через него в город вели пять широких каменных мостов со сторожевыми башнями по обе стороны рва, и высотой эти башни не уступали тем, что оберегали городскую стену. Троллоки и Мурддраалы в; своих набегах из Запустения зачастую проникали в Кандор куда дальше Канлуума, но за эти стены еще не прорвался ни один. Над всеми башнями развевался стяг с изображением Алого Оленя. А он заносчив, этот лорд Вэран, Верховная Опора Дома Маркасив, - над самим Чачином королева Этениелле не поднимает столько своих знамен.

У внешних башен стояли стражники в шлемах с гребнями в виде рогов, какие носили все солдаты Вэрана, и с эмблемой Алого Оленя на груди; они заглядывали внутрь фургонов и лишь затем пропускали их на мост. Изредка стражники знаком просили кого-нибудь из проходивших сдвинуть капюшон с лица. Хватало одного лишь жеста - во всех городах и селах Пограничных Земель закон запрещал скрывать лицо, и вряд ли кому-нибудь захотелось бы, чтобы его по ошибке приняли за Безглазого, вознамерившегося пробраться в город. Пока Лан и Букама шли по мосту, стража провожала их суровыми взглядами. Лиц эти двое не скрывали. Как не прятали и свои хадори. Тем не менее в настороженных глазах стражников не промелькнуло и тени того, что они узнали Лана и Букаму. Для Пограничья два года - долгий срок. За два года могли погибнуть очень, многие.

Лан заметил, что Букама умолк - недобрый знак, - и потому предостерег своего спутника.

- Из-за меня неприятностей не будет, - огрызнулся Букама, но пальцы его по-прежнему поглаживали рукоять меча.

На стене над распахнутыми воротами, обитыми железом, прохаживались часовые; они, как и солдаты на мосту, из доспехов носили лишь кирасы и панцири, но бдительны были не меньше, особенно к двум Малкири с подвязанными волосами. Букама с каждым шагом все больше поджимал губы.

- Ал'Лан Мандрагоран? Храни вас Свет, мы слышали, что вы погибли в сражении с Айил у Сияющих Стен! - воскликнул молодой стражник, тот, что был выше остальных; ростом он

ненамного уступал Лану. Да и возрастом он был всего на год или два младше Лана, однако этот срок казался пропастью размером в десятилетие. Если не в целую жизнь. Стражник низко поклонился, положив левую ладонь на колено. - Тай 'шар Малкир - Истинная кровь Малкир. - Я готов, ваше величество.

- Я не король, - тихо произнес Лан. Малкир давно погибла. Осталась только война. Для него - по крайней мере. Букама же заговорил во весь голос.

- Ты готов, мальчик? А к чему? - Тыльной стороной ладони Букама хлопнул стражника по груди, чуть выше Алого Оленя на кирасе, отчего юноша выпрямился и отступил на шаг. - А что у тебя с волосами? Вон как коротко ты их подрезал! - Каждое слово Букама будто выплевывал. - Ты присягнул кандорскому лорду! По какому праву ты смеешь называть себя Малкири?

Молодой стражник краснел, тщетно пытаясь ответить. Другие стражники двинулись было к этой паре, но остановились, когда Лан выпустил из руки звякнувшую уздечку. Большого им было не нужно, его имя они уже знали и так. Стражники смотрели на гнедого жеребца, который, глядя на солдат столь же настороженно, как они на него, стоял неподвижно позади хозяина. Боевой конь - оружие грозное, и откуда им знать, что Дикий Кот обучен в лучшем случае наполовину.

Впереди, за воротами, образовался свободный пятак - люди торопливо отходили подальше и только потом оборачивались на шум, а на мосту уже скопилась небольшая толпа. С обеих сторон раздавались крики: кому-то не терпелось узнать, что там мешает проходу. Букама и бровью не повел, он не сводил сурового взора с покрасневшего как рак молодого стражника. В руке Букама по-прежнему сжимал уздечки вьючной лошади и своего светло-чалого мерина.

Из каменной караулки за воротами показался офицер, шлем с гребнем он держал под мышкой, но рука в латной перчатке лежала на эфесе меча. Этого с виду грубовато-добродушного сидящего мужчину с двумя белесыми шрамами на лице звали Алин Сероку, и за плечами у него были сорок лет армейской службы на границе с Запустением, но и у старого солдата при виде Лана слегка округлились глаза. Судя по всему, до него тоже доходили слухи о смерти Лана.

- Да осияет вас Свет, лорд Мандрагоран. Мы всегда рады приветствовать сына эл'Ленны и ал'Акира, да благословит Свет их память! - Букаму офицер окинул коротким взглядом, и отнюдь не приветливым.

Сероку остановился в воротах. По обе стороны вполне могли проехать по пять всадников, но он, как того и добивался, преградил путь. Ни один из стражников не двинулся с места, но у всех как по команде ладони легли на рукояти мечей. У всех - кроме молодого стражника, тот горящим взглядом в упор смотрел на рассерженного Букаму.

- Повеление лорда Маркасива - всем соблюдать спокойствие, - продолжал Алин Сероку, отчасти извиняющимся тоном. - Город едва не бурлит. Мало нам слухов о мужчине, способном направлять Силу, так в прошлом месяце на улицах уже людей стали убивать. Да еще середь бела дня! Не говоря уж о странных несчастных случаях. Люди шепчутся, будто по городу разгуливают Отродья Тени.

Лан чуть заметно кивнул. Запустение совсем рядом, а потому люди всегда вспоминают об Отродьях Тени, когда не могут чему-то подыскать объяснения, будь то внезапная смерть или неурожай. Тем не менее поводьев Дикого Кота в руку не взял.

- Мы хотим отдохнуть здесь несколько дней, а потом двинемся на север.

На миг ему показалось, что Сероку изумлен. Неужели он ожидал обещаний соблюдать мир? Или извинений за поведение Букамы? И то, и другое теперь лишь опозорило бы Букаму. Жаль, если его война кончится здесь. Лану не хотелось погибнуть, убивая кандорцев.

Его старый друг отвернулся от молодого стражника, который стоял, дрожа и прижав стиснутые кулаки к бокам.

- Во всем лишь моя вина, - бесстрастным голосом заявил в никуда Букама. - Я был неправ. Клянусь именем своей матери, что буду блюсти спокойствие лорда Маркасива. Именем моей матери клянусь, я не обнажу меча в стенах Канлуума.

У Сероку отвисла челюсть, и Лану самому с трудом удалось скрыть потрясение.

Помешкав секунду, шрамолицый офицер шагнул в сторону, поклонившись и коснувшись сперва рукояти меча, затем левой стороны груди.

- Здесь всегда рады приветствовать Лана Мандрагорана Дай Шан, - церемонно промолвил он. - И Букаму Маренеллина, героя Салмарны. Да обретете вы когда-нибудь оба покой.

- Покой - лишь в последнем объятии матери, - столь же церемонно откликнулся Лан, в свою очередь коснувшись пальцами рукояти меча и груди.

- Да примет она нас когда-нибудь, - закончил формальное приветствие Сероку. Конечно, никто не стремится в могилу, но могила - единственное место, где в Пограничных Землях можно обрести покой.

С лицом, выражавшим не больше, чем железная чушка, Букама зашагал вперед, потянув за собой Солнечного Луча и вьючную лошадь. Не дожидаясь Лана. Недобрый знак.

Канлуум являл собой город из камня и кирпича, вокруг высоких холмов вились мощеные улицы. Айильское вторжение не затронуло Пограничных Земель, но отголоски войн всегда далеко раскатываются от полей сражений, сокращая торговлю, и теперь, когда окончились и битвы, и зима, в городе было полно народу чуть ли не из всех стран. Хотя Запустение притаилось едва ли не под самыми городскими стенами, Канлуум процветал - в окрестных холмах рудокопы добывали самоцветы. И благодаря еще, как ни странно, лучшим в мире часовщикам. Даже поодаль от рыночных площадей гомон толпы прорезали пронзительно-зазывные крики уличных торговцев и лавочников. На каждом перекрестке выступали ярко разодетые музыканты, жонглеры, акробаты. В массе людей, фургонов, повозок и тележек с трудом продвигалось несколько - по пальцам можно счесть - лакированных экипажей; сквозь толпу пробирались лошади, сверкая отделанными золотом и серебром седлами и уздечками, а одежды всадников, украшенные с пышностью не меньшей, чем конская сбруя, были оторочены мехом лисы, куницы или горноста. Столпотворение такое, что яблоку негде упасть. Лан даже заметил нескольких Айз Седай - женщин с суровыми, безвозрастными лицами. Прохожие узнавали их и по виду, и по тому смятению, с каким им давали дорогу. Перед ними расступались кто из уважения или осторожности, кто из благоговения или страха, но даже король или королева не сочли бы зазорным отступить в сторону с дороги Айз Седай. Когда-то даже в Пограничных Землях можно было год-два не встречать сестру из этого своеобразного ордена, но вот уже несколько месяцев, с тех пор как умерла их прежняя глава, занимавшая Престол Амерлин, Айз Седай появились как будто повсюду. Возможно, причиной тому слухи о способном направлять Силу мужчине, и если слухи не врут, то долго ему на свободе не бывать - сестры не позволят. Лан старательно отводил взор от Айз Седай. Если какая из сестер подыскивает себе Стража, то хадори вполне может привлечь ее внимание.

Как ни странно, но лица многих женщин скрывали кружевные вуали. Тонкие - через них видны были их глаза, да и о Мурддраале женского пола еще никто и никогда не слышал, однако Лан и предположить не мог, что закон пойдет на уступки веяниям моды. Того и гляди тут еще удумают погасить фонари вдоль улиц, чтобы ночью стало темно. Больше всего потрясло Лана, что Букама смотрит на этих женщин и... молчит. И рта не раскрывает? Букама даже не моргнул, когда мимо

него прошел Назар Кьюренин. Тот юный стражник у ворот наверняка появился на свет после того, как Запустение поглотило Малкир, но Кьюренин был вдвое старше Лана. И волосы у него были коротко стрижены, он носил раздвоенную бородку, хотя годы и не стерли совсем следов хадори со лба. Кьюренин был не один такой, и, увидев его, Букама должен был взорваться от гнева. Лан встревоженно посматривал на своего старого друга.

Двигались они к центру города, и улицы вели их к самому высокому холму, носящему название Олений, на вершине которого располагался похожий на крепость дворец лорда Маркасива, а на террасах ниже виднелись дворцы и особняки лордов и леди помельче. На пороге любого из них ал'Лана Мандрагорана ожидает теплый прием, балы и выезды на охоту, и всякий благородный, кто живет по меньшей мере в пятидесяти милях от города, сочтет за честь пригласить его в гости. Нет сомнений, не будет недостатка и в приглашениях из Арафела. Люди с жадным блеском в глазах будут слушать рассказы о его "приключениях". Молодежь вызовется сопровождать его в вылазках в Запустение, а старики примутся сравнивать рассказы Лана с событиями своего боевого прошлого. Женщины готовы разделить ложе с мужчиной, которого - как утверждают глупые слухи - не может убить Запустение. Порой Кандор и Арафел так же невыносимы, как южные края, к тому же кое-кто из этих женщин наверняка замужем. И наверняка встретятся мужчины вроде Кьюренина, которые стараются загнать подальше в глубину памяти воспоминания о погибшей Малкир, и женщины, которые больше не украшают свой лоб ки 'сайн - как принято было скреплять клятву, что их сыновья до последнего вздоха будут противостоять Тени. Лан мог не замечать их фальшивых улыбок, когда они именовали его ал'Лан Дай Шан, увенчанным диадемой битвы и некоронованным королем страны, что пала из-за предательства, когда Лан еще лежал в колыбели. Букама же, в своем нынешнем настроении, мог запросто и убить. Или же случится нечто похуже, памятуя клятву, данную им у ворот. Он мог сдержать свое слово ценой жизни.

- Вэран Маркасив со всеми этими церемониями задержит нас не меньше чем на неделю, - заметил Лан, сворачивая на улицу поуже. Вела она в сторону от Оленьего Холма. - Мы здесь столько уже наслышались о разбойниках и тому подобном, что он будет просто счастлив, если я не стану надоедать ему со своими поклонами.

Что ж, в этом была доля правды. Лану однажды, несколько лет назад, довелось встречаться с Верховной Опорой Дома Маркасив, но он помнил его как человека всецело поглощенного своими обязанностями.

Букама последовал за Ланом, не проронив ни единого слова сожаления о ночлеге во дворце или пиршественных яствах. Очень тревожный признак.

В нижней части города у северной стены дворцов не было и в помине, лишь лавки и таверны, гостиницы, конюшни и фургонные дворы. Возле длинных складов царила суматоха, но на колясках тут не ездили, да и на большинстве улиц едва удалось бы развернуть телегу. Однако народу здесь оказалось не меньше, чем на широких центральных улицах, и так же оглушал шум. Местные уличные артисты ветошь своих нарядов старались возместить лужеными глотками, от них не отставали и покупатели с продавцами - эти орали во всю мочь, будто хотели, чтобы их услышали на следующем перекрестке. В такой толкотне наверняка шастает уйма карманников и других охотников на чужие кошельки - кто из них уже завершил свои дела в верхнем городе, а кто только снарядился на дневной промысел. Удивительнее было бы обратное - ведь в городе, куда съехалось столько купцов и торговцев, раздолье для всякой воровской шатии. Когда в толчее невидимые пальцы во второй раз легонько скользнули по куртке, Лан засунул свой кошель под рубашку. Любой банкир ссудит его суммой куда большей, под залог шайнарского имения - его владельцем Лан стал после совершеннолетия, - но лишиться сейчас наличности означало бы, что придется воспользоваться гостеприимством Оленьего Холма.

В первых трех гостиницах - крытые шифером серокаменные кубы с яркими вывесками над дверями - хозяева не могли предложить путникам даже чуланчика. До самых чердаков в них набились купеческие охранники и мелкие торговцы. Букама начал бурчать, что можно устроиться на ночлег и на сеновале, но ни словом не обмолвился о пуховых матрасах и свежих простынях, какие ждали бы их на Оленьем Холме. Полный решимости найти какой-никакой ночлег, пусть даже на поиски у него уйдет весь оставшийся день, Лан вошел в четвертую гостиницу, "Синяя роза", оставив лошадей под присмотром конюха.

В переполненной гостинице, где в гомоне и смехе почти тонула песня, которую, сопровождая себя на цитре, пела стройная девушка, в центре общего зала царственно возвышалась хозяйка - седая красивая женщина. Вокруг потолочных балок вился табачный дым, из кухни вкусно пахло жареным барашком. Увидев Лана и Букаму, хозяйка гостиницы одернула свой передник в синюю полоску и решительно зашагала к ним. Ее темные глаза сверкали.

Лан не успел и рта раскрыть, как она схватила его товарища за уши, потянула его голову вниз и крепко поцеловала Букаму. Кандорских женщин застенчивыми не назовешь, но поцелуй тем не менее вышел на славу, к тому же на глазах у стольких людей. По столикам пробежала волна смешков и улыбок.

- Я тоже рад тебя видеть, Раселле, - со слабой улыбкой пробормотал Букама, когда та наконец отпустила его. - Не знал, что у тебя тут есть гостиница. Как ты думаешь... - Он опустил взгляд, чтобы, как требует вежливость, не смотреть ей прямо в глаза. Это оказалось ошибкой. Раселле от души врезала ему в челюсть - Букама аж пошатнулся, мотнув головой.

- Шесть лет - и ни весточки, - рявкнула Раселле. -

Шесть лет!

Вновь схватив Букаму за уши, она еще раз поцеловала его и на этот раз не отпускала подольше. И держала крепко, пресекая все попытки Букамы высвободиться, так что ему пришлось сдаться и позволить Раселле поступать, как ей вздумается. Ладно, раз она его целует, значит, нож в сердце не вонзят. По крайней мере пока.

- По-моему, для Букамы у госпожи Аровни комната найдется, - раздался за спиной Лана знакомый мужской голос. - И для тебя, пожалуй, тоже.

Повернувшись, Лан пожал руку мужчине, единственному в общем зале ростом под стать ему и Букаме. Это был Рин Венамар, старейший его друг, не считая Букамы. Хозяйка все еще разбиралась с Букамой, и Рин повел Лана к маленькому столику в углу. Рин, пятью годами старше Лана, тоже происходил из народа Малкири, но волосы его были заплетены в две длинные косицы, украшенные колокольчиками. Такие же серебряные колокольчики тихонько звенели на отворотах его сапог и на рукавах желтой куртки. Нельзя сказать, что Букама 'недолюбливал Рина, но сейчас еще больше испортить настроение Букаме мог лишь вид Назара Кьюренина.

Лан с Рином уселись на скамьи, и служанка в полосатом переднике тотчас же принесла горячего вина с пряностями. По-видимому, Рин успел заказать питье, едва заметив Лана. Темноглазая девушка с пухлыми губками, поставив кружку перед Ланом, откровенно оглядела его с головы до пят. Потом шепнула ему на ухо: "Меня зовут Лайра", и пригласила провести вместе ночь, если он остановится в гостинице. Лану хотелось только одного - как следует выспаться, поэтому он, потупив взор, начал бормотать, что она оказывает ему слишком большую честь. Лайра не дала ему договорить. С хриплым смешком она склонилась к Лану и укусила за ухо, а потом громко заявила, что до завтрашнего восхода ему такую честь окажет, что он на ногах держаться не будет. За столиками рядом раздались взрывы хохота.

Рин не дал Лану даже слова вымолвить - он швырнул девушке толстую монету и увесистым шлепком пониже спины отправил красотку восвояси. Засовывая монету в вырез платья, Лайра расплылась в улыбке, отчего на щеках у нее появились ямочки, но, уходя, она то и дело кидала на Лана томные взгляды. Тому оставалось лишь вздохнуть. Вздумай он сейчас сказать "нет", на подобное оскорбление с нее вполне станется ответить ударом ножа.

- А с женщинами тебе везет по-прежнему. - В смехе Рина слышались раздраженные нотки. Возможно, у него самого имелись на Лайру виды. - Свету ведомо, не считают же они тебя красавцем - с каждым годом ты все уродливей. Наверно, мне стоит прикинуться скромником, пусть меня женщины за нос поведут!

Лан открыл было рот, но вместо ответа отхлебнул вина. Объяснений не требовалось, ведь отец Рина увез сына в Арафел в тот год, когда Лану исполнилось десять. Рин носил единственный меч у бедра, а не два за спиной, но до кончиков ногтей был арафелцем. Он и в самом деле заговаривал с женщинами первым. Лана же воспитали в Шайнаре Букама и его товарищи, и его окружало очень мало тех, кто придерживался малкирских обычаев.

Кое-кто из сидящих в общем зале поглядывал на столик Лана и Рина - искоса, поверх кубков и кружек. Пухленькая меднокожая женщина, в платье несколько более плотном, чем обычно носят доманийки, ничуть не скрывала своего интереса, возбужденно переговариваясь с типом с закрученными усами и крупной жемчужиной в ухе. Вероятно, пыталась угадать, будут ли из-за Лайры неприятности. Или гадала, правда ли, что мужчина схадори на голове способен убить за обретенную булавку.

- Не ожидал встретить тебя в Канлууме, - промолвил Лан, поставив на стол кружку с вином. - Купеческий караван охраняешь?

Букамы и хозяйки гостиницы нигде не было видно. Рин поежился.

- Да, из Шол Арбелы. Говорят, самый удачливый торговец в Арафеле. Точнее, говорили. Вот и договорились. Мы прибыли вчера, и прошлой ночью в двух кварталах отсюда грабители перерезали ему горло. Так что за эту поездку денег мне не видать. - Он мрачно улыбнулся, сделал большой глоток из своей кружки, возможно, в память о купце, а возможно, жалея, что не получит вторую половину платы. - Чтоб мне сгореть, если я думал свидеться тут с тобой.

- Не слишком верь слухам, Рин. С тех пор как я отправился на юг, меня, можно сказать, и не ранили. - Если для них отыщется комната, тогда, решил Лан, нужно обязательно поинтересоваться у Букамы, заплатил ли уже тот и каким образом. Глядишь, от негодования забудет про свою угрюмость.

- Айил, - фыркнул Рин. - По-моему, им ты не по зубам. - Разумеется, с Айил Рину сталкиваться не доводилось. - Я думал, ты вместе с Эдейн Аррел. Слышал, сейчас она в Чачине.

Едва прозвучало это имя, как Лан резко повернулся к Рину.

- А почему я должен быть возле леди Аррел? - негромко спросил он. Негромко, но особо выделив ее титул.

- Ну-ну, полегче, - произнес Рин. - Я вовсе не хотел... - С его стороны было благоразумно оставить прежний тон. - Чтоб мне сгореть, неужели ты ничего не слышал? Она подняла знамя с Золотым Журавлем. Разумеется, от твоего имени. Едва год начался, как она отбыла из Фал Морана в Марадон, а теперь возвращается. - Рин покачал головой, колокольчики, вплетенные в косицы, тихонько звякнули. - Здесь, в Канлууме, нашлось сотни две-три, готовых последовать за нею. То есть за тобой. Назвать некоторых, так ты не поверишь. Старый Кьюренин заплакал, когда услышал ее речи. И все готовы вырвать Малкир из лап Запустения.

- Что погибло в Запустении, того больше нет, - устало промолвил Лан. В душе он ощущал ледяной холод. Теперь удивление Сероку, услышавшего, что Лан собирается отправиться на север, внезапно обрело новый смысл, как и неожиданное заявление юного стражника. Даже взгляды, которыми Лана окидывали в общем зале, показались ему иными. И со всем этим связана Эдейн. Она всегда любила бури и грозы. - Пойду за лошадью своей присмотрю, - сказал Лан Рину, со скрипом отодвигая скамью.

Рин что-то сказал вслед, мол, неплохо бы вечером прошвырнуться по окрестным тавернам, но Лан его не слушал. Он торопливо миновал кухню, окунувшись в горячий от раскаленных железных жаровен, пышущих жаром каменных печей и открытых очагов воздух, и вышел в прохладу конюшенного двора, где смешались запахи лошадей, сена и дыма. На крыше конюшни щебетал серый жаворонок. Весной серые жаворонки прилетают раньше малиновок. Тогда в Фал Моране, когда Эдейн впервые обожгла его ухо жарким шепотом, тоже пели серые жаворонки.

Лошадей уже завели в стойла, на дверцах стойл висели попоны, поверх них лежали уздечки и седла. Выючных корзин Лан не заметил. Очевидно, госпожа Аровни дала знать конюхам, что Букама и Лан останутся ночевать у нее в гостинице.

В сумрачной конюшне он увидел всего одного конюха - худощавая сурового вида женщина сгребала навоз. Не прекращая своего занятия, она молча смотрела на Лана, он похлопал Дикого Кота по шее, проведал и двух других лошадей. Так же не проронив ни слова, женщина смотрела, как Лан принялся расхаживать туда- сюда по конюшне. Меряя шагами усыпанный соломой земляной пол, он пытался размышлять, но в голове крутилось лишь имя Эдейн. Лицо Эдейн, в обрамлении черных шелковистых волос, что спускались ниже талии, прекрасное лицо с огромными темными глазами, из-за которых, пусть даже полных власти, иссохнет душа любого мужчины.

Вскоре женщина-конюх, коснувшись пальцами губ и лба, что-то пробормотала в его сторону и поспешно вывезла из конюшни полупустую тележку. Косясь через плечо на Лана, женщина чуть задержалась, затворяя дверь, и Лан остался один. Сумрак прорезали косые солнечные лучи, что пробивались в щели приоткрытых люков, ведущих на сеновал. В бледно-золотых полосах света плясали пылинки.

Лан поморщился. Неужели она испугалась мужчины с хадори на голове? Решила, что в том, как он ходит тут, таится угроза? Вдруг Лан поймал себя на том, что его пальцы пробегают по длинной рукояти меча, на том, как напряжено лицо. А как он ходит? Да нет, он не просто ходит, а повторяет шаги боевой связки под названием "Леопард в высокой траве", которую используют, когда со всех сторон тебя окружают враги. Ему нужно успокоиться.

Лан уселся, скрестив ноги, на охапку соломы, мысленно представил себе язычок пламени и отправил туда все свои эмоции, ненависть, страх, все до последней крупинки, пока в конце концов не окружил себя коконом пустоты. После многолетней практики для достижения ко'ди единения, потребовалось совсем мало времени - лишь один удар сердца. Мысли и даже собственное тело казались чем-то далеким, но в этом состоянии Лан воспринимал все окружающее лучше обычного, он стал един с охапкой соломы, на которой сидел, с конюшней, с мечом в ножнах позади себя. Лан "чувствовал" лошадей, жующих сено в своих кормушках, и мух, жужжащих в углях. Они все были частью его, он слился с ними. Особенно с мечом. Впрочем, именно такой бесстрастности он сейчас и искал.

Из кошель на поясе Лан достал тяжелое золотое кольцо-печатку с вырезанным на нем летящим журавлем и принялся вертеть его в пальцах. Кольцо королей Малкири, его носили мужчины, которые сдерживали Тень более девяти сотен лет. Неизвестно, сколько раз кольцо перековывали, когда металл истирался, но всякий раз старое кольцо расплавляли, чтобы оно стало частью

нового. Наверняка что-то в этом кольце помнило еще и руки правителей Рамдашара, существовавшего до Малкир, и властителей Арамелле, что была прежде Рамдашара. Этот кусочек металла олицетворял собой более чем трехтысячелетнюю битву с Запустением. Кольцом Лан владел всю свою жизнь, но никогда не надевал его. Обычно даже прикоснуться к кольцу он не мог без внутренней борьбы, но каждый день заставлял себя вновь и вновь смотреть на него, относясь к этому как к своеобразному упражнению воли. Сегодня же, без погружения в пустоту, он вряд ли сумел бы сделать это. Только пребывая в ко'ди, где мысль плавает свободно, а всякое чувство - далеко, на самом горизонте.

Еще в колыбели Лан получил четыре дара. Кольцо на руку и медальон, что сейчас висел у него на шее, меч у бедра и клятву, данную от его имени. Самым ценным из даров был медальон, самым тяжелым - клятва. "Стоять против Тени, пока крепко железо и тверд камень. Защищать народ Малкир до последней капли крови. Отомстить за то, что нельзя защитить". И тогда его помазали благовонным маслом и нарекли Дай Шан, назвали следующим королем Малкир и вывезли из страны, обреченной на гибель. Двадцать человек отправились в опасный путь; до Шайнара добрались пятеро. Защищать уже было нечего, оставалось только мстить за родную страну, и Лана готовили к этому с первых его шагов. С подарком матери на груди, с отцовским мечом в руках, с кольцом, обжигавшим ему душу, он мстил за Малкир с шестнадцати лет. Но никогда он не вел никого с собой в Запустение. Да, с ним отправлялся Букама и другие, но Лан не вел их. Его война - война в одиночку. Мертвого не оживить, а тем более не вернуть к жизни погибшую страну. А именно это пыталась теперь сделать Эдейн Аррел.

Ее имя эхом зазвучало в окружавшей Лана пустоте. На краю пустоты холодными предрассветными горами проступили разнообразные чувства, но Лан отправил их в пламя, чтобы все вновь обрело прежнее спокойствие. И вновь сердце его стало биться медленно, будто вторя копытам стоявших в стойлах лошадей, и биение мушиных крылышек зазвучало контрапунктом размеренному дыханию Лана. Эдейн была его карнейрой, первой женщиной в его жизни. Об этом едва ли не кричали тысячи лет обычаев, как бы он ни окружал себя коконом пустоты.

Ему исполнилось пятнадцать, а Эдейн была более чем вдвое старше, когда она запустила руки в его волосы, все еще вольно свисавшие до пояса, и шепотом заявила ему о своих намерениях. Тогда женщины еще называли его красивым и довольно смеялись, увидев, как он смущенно краснеет, и полгода она находила удовольствие в том, чтобы ходить с ним под ручку и завлекать его в свою постель. Так было, пока Букама и другие воины не вручили Лану хадори. Когда на десятый день рождения ему дали в руки меч, по обычаю Пограничья он стал считаться мужчиной, хоть и был еще слишком мал для меча. Но у Малкири плетеная кожаная лента имела огромное значение, ведь с того мига, как мужчина впервые повязывал ее себе на голову, он один вправе решать, куда он идет, когда и зачем. И мрачная песнь Запустения стала стоном, заглушившим все прочие звуки. Негромко произнесенная клятва, запечатленная в сердце Лана, направила его шаги.

Минуло почти десять лет с той поры, как Лан верхом покинул Фал Моран и Эдейн смотрела ему вслед. А когда он вернулся, ее уже не было. Но Лан ясно помнил ее лицо - куда лучше, чем лица тех женщин, которым с тех пор случалось делить с ним ложе. Больше он не мальчик, чтобы думать, будто она любит его просто потому, что решила стать его первой женщиной, однако у малкирских мужчин бытовало присловье: "Твоя карнейра навсегда уносит с собой частицу твоей души и носит ее точно ленту в волосах". И обычаи порой требуют от человека большего, чем закон.

Скрипнула открывающаяся дверь, и на пороге конюшни появился Букама - без куртки, рубаха будто второпях заправлена в штаны. Без меча он казался голым. словно бы в нерешительности, он осторожно распахнул обе створки и только потом вошел внутрь.

- Ну, что ты собираешься делать? - в конце концов спросил он. - Раселле рассказала мне о... о Золотом Журавле.

Лан спрятал кольцо, высвободился из объятий пустоты. Эдейн будто смотрела на него со всех сторон, но ускользая от его взгляда.

- Рин мне сказал, что даже Назар Кьюренин готов выступить в поход, - оживленно отозвался Лан. - Не хочешь полюбоваться на этакое зрелище? - Целая армия может погибнуть, пытаюсь одолеть Запустение. И не одна армия уже погибла в подобных бесплодных попытках. Но память о Малкир уже исчезает. И скоро сама страна превратится в воспоминания, как это уже случилось с захваченной Запустением землей. - Тот мальчик у ворот отпустит волосы и попросит у отца хадори. - Люди уже забывают о Малкир, стараются забыть. Когда не станет последнего мужчины, который перевязывает волосы, когда не станет последней женщины, которая наносит на лоб цветную точку, неужели тогда в самом деле исчезнет и Малкир? - Глядишь, и Рин избавится от своих косиц. - Из голоса Лана пропала всякая тень веселья, когда он добавил: - Но такой ценой? Хотя кое-кто считает, что оно того стоит.

Букама хмыкнул, но не сразу. Возможно, он-то как раз так и считал.

Подойдя к стойлу с Солнечным Лучом, он принялся перебирать упряжь своего чалого, словно забыв, что собирался сделать.

- Для всего есть цена. Всегда, - произнес Букама, не поднимая глаз. - Но есть цена и цена. Леди Эдейн... - Он коротко взглянул на Лана, потом повернулся к нему. - Она всегда была такой - заявляла о всех правах, на которые могла претендовать, и требовала исполнения малейших обязательств. Обычай связал тебя с ней, и, что бы ты ни решил, она станет направлять тебя, как коня - поводьями. Если, конечно, ты как-то не вывернешься.

Медленно Лан заткнул большие пальцы за ремень, на котором висел меч. Букама вывез Лана из Малкир, посадив за спину и привязав к себе. Последний из тех пятерых. Букама вправе свободно говорить с ним, пусть даже речь идет о карнейре Лана.

- И как, по-твоему, я могу уклониться от своих обязательств и не навлечь на себя позора? - спросил Лан куда резче, чем хотел. Глубоко вздохнув, он продолжил тоном поспокойней: - Ладно, не будем об этом. Кстати, в общем зале пахнет лучше, чем тут. Рин предлагал вечером прошвырнуться по кабакам. Если только госпожа Аровни тебя отпустит. Кстати, в какую цену нам встали комнаты? Они хорошие? Надеюсь, не слишком дорогие.

Заливаясь краской, Букама двинулся вместе с Ланом к дверям.

- Нет, не очень дорого, - торопливо сказал он. - Тебе достался соломенный тюфяк на чердаке, а я... э-э... А я буду в комнате у Раселле. Я бы пошел с вами, но, кажется, Раселле... Я не к тому, что она меня не отпус... Я... Ах ты, щенок! - прорычал Букама. - Ничего, тут есть одна служанка-милашка, Лайра. Вот и посмотрим, удастся ли тебе сегодня поспать на том тюфяке. Да и даст ли она тебе вообще поспать! Так что не думай, будто...

Букама умолк, когда они с Ланом вышли на солнечный свет, слишком яркий после сумрака конюшни. Серый жаворонок по-прежнему выводил свою весеннюю песню.

Шестеро мужчин шагали через опустевший конюшенный двор. Шесть обыкновенных мужчин с мечами на поясе, ничем не отличающиеся от людей на городских улицах. Но Лан все понял еще до того, как двинулись их руки, до того, как их взгляды устремились на него, а шаги ускорились. Он не мог не понять - слишком часто он встречался с теми, кто хотел его убить. И рядом был Букама - связанный клятвой, не позволявшей ему взяться за меч, даже будь при нем оружие. Если

Лан с Букамой попытаются спрятаться в конюшне, те шестеро доберутся до них раньше, чем они успеют затворить двери. Время замедлилось, потекло как застывший мед.

- В конюшню! И заложите двери! - бросил Лан, а рука его метнулась к эфесу. - Исполни приказ, солдат!

Ни разу в жизни Лан не приказывал Букаме, и тот на миг замешкался, потом церемонно поклонился и хрипло произнес:

- Моя жизнь - твоя, Дай Шан. Будет исполнено. Когда Лан двинулся навстречу нападающим, то услышал, как в конюшне с глухим стуком опустился засов. Чувство облегчения было далеким-далеким. Он пребывал в ко'ди един с мечом, плавно выскользнувшим из ножен. Един с бросившейся к нему шестеркой. По утрамбованной земле глухо топали сапоги, блеснула обнажаемая сталь.

Вперед вырвался один, худой как цапля, и Лан сделал первый шаг в боевой стойке. Время точно застывший мед. Пел серый жаворонок, и худой закричал, когда "Рассечением облаков" ему отрубило правую кисть у запястья, и Лан продолжал движение, чтобы остальные не набросились на него все разом. "Дождик на закате" до кости рассек толстяку лицо и лишил левого глаза, а рыжеволосый юнец полоснул Лана по ребрам "Черными камушками на снегу". Только в сказаниях герой выходил из схватки против шестерых без единой царапины. "Распускающаяся роза" отсекала лысому левую руку, а рыжий кончиком меча нанес Лану рану у глаза. Только в сказаниях можно в одиночку сразиться с шестерыми и остаться в живых. Лан знал об этом с самого начала. Долг - как гора, а смерть - перышко, и долгом Лана был Букама, который вывез ребенка у себя на спине. Но ради этого мига Лан жил, ради этого сражался - пиная рыжего в голову, кружась юлой и получая раны, истекая кровью и ступая по лезвию бритвы, - в танце между жизнью и смертью. Время точно застывший мед, и Лан менял позиции и приемы, но конец мог быть лишь один. Мысли были далеко. Смерть - лишь перышко. "Одуванчик на ветру" раскроил горло уже потерявшему глаз толстяку - страшная рана на лице остановила того всего на несколько мгновений, - и малый с раздвоенной бородкой, плечистый, точно кузнец, удивленно охнул, когда "Поцелуем гадюки" клинок Лана пронзил ему сердце. И вдруг Лан понял, что стоит он один, а по всему двору валяются шесть тел. Рыжеволосый судорожно вздохнул, в последний раз, взрыв землю, дернул ногами, и вот из семерых людей здесь живым остался только Лан. Он стряхнул кровь с клинка, наклонился и обтер последние красные капли о чересчур дорогую куртку "кузнеца", потом четким движением, будто на уроке у Букамы, вложил меч в ножны.

Внезапно из гостиницы высыпали люди - повара, конюхи, служанки, народ из общего зала. Все кричали, пытались понять, что тут за шум, и изумленно таращась на распростертых на земле мертвецов. Самым первым, с мечом в руках, выбежал Рин. Побледневший, он подошел к Лану.

- Шестеро, - пробормотал Рин, разглядывая тела. - Проклятие, у тебя и впрямь везение самого Темного.

Подбежавший Букама и опередившая его на считанные мгновения темноглазая Лайра занялись ранами Лана. Они стали осматривать его, осторожно раздвигая окровавленные края разрезов в одежде. Девушка то и дело слегка вздрагивала, но голос у нее был на удивление спокойный, совсем как у Букамы, когда она посоветовала послать лучше за Айз Седай, чтобы та исцелила его, и посоветовала, что придется столько швов накладывать. Потом заявила, что с иглой и ниткой справится и сама, отогнав Букаму, порывавшегося заняться тем же. Появилась и госпожа Аровни; она, приподняв юбки, обходила кровавые лужицы, сердито оглядываясь на трупы, замусорившие двор ее конюшни, во весь голос ругая стражников: разбойники, видать, совсем распоясались, и злодеи не посмели бы шляться по городу средь бела дня, если б стража баклуши не била. С ней громко согласилась доманайка - та самая, которая разглядывала Лана в общем зале. И

доманийке-то, к ее неудовольствию, трактирщица велела сбегать за стражниками, заодно и поторопив тычком. Последнее в полной мере свидетельствовало о потрясении госпожи Аровни - в противном случае она никогда не стала бы так обращаться со своими клиентами. А о шоке, испытываемом всеми, говорило то, что доманийка без всяких возражений кинулась исполнять поручение. Хозяйка, ворча на обнаглевших грабителей, принялась распоряжаться, чтобы мертвецов убрали с глаз долой.

Рин переводил непонимающий взгляд с Букамы на конюшню и обратно - впрочем, он действительно ничего не понимал.

- Вряд ли это грабители. - Он указал на малого, походившего на кузнеца. - Вот этот слушал речь Эдейн Аррел, когда та была тут, и ее слова ему явно по душе пришлись. Кажется, с ним был и еще кто-то из этих. - Рин качнул головой, тихо звякнули колокольчики. - Очень странно. Впервые о том, чтобы поднять знамя с Золотым Журавлем, она заговорила тогда, когда дошел слух, что ты убит под Сияющими Стенами. Твое имя привлечет людей, но, раз ты погиб, она могла бы стать эл'Эдейн. - В ответ на взгляды Лана и Букамы Рин только развел руками и торопливо добавил: - Я никого ни в чем не обвиняю. И никогда бы я не посмел обвинить в подобном леди Эдейн. Уверен, она преисполнена женского сострадания и самых благих намерений.

Госпожа Аровни крикнула, точно от удара кулаком, а Лайра еле слышно пробормотала, что этот красавчик из Арафела мало что смыслит в женщинах.

Лан покачал головой. Эдейн, если это отвечает ее намерениям, могла решить убить его, могла приказывать действовать, коли слухи окажутся неверными, но даже это не причина вслух связывать ее имя с происшествием, особенно в окружении стольких чужаков.

Пальцы Букамы замерли, раздвинув края разреза на рукаве Лана.

- Куда мы направимся? - тихо спросил он.

- В Чачин, - ответил Лан после секундного раздумья. Выбор есть всегда. Другое дело, что иногда сам выбор не радует. - Придется тебе оставить Солнечного Луча. В путь отправимся с первым светом. - На нового коня для Букамы золота хватит.

- Шестерых, это надо же! - пробормотал Рин, с силой вгоняя свой меч в ножны. - Пожалуй, поеду-ка я с вами. Возвращаться в Шол Арбелу мне лучше не спешить. Неровен час, Сейлин Нореман станет винить меня в смерти своего мужа. Пусть все уляжется. Да и хорошо бы увидеть, как вновь развевается стяг с Золотым Журавлем.

Лан кивнул. Взять знамя в свои руки и забыть обещания, данные самому себе столько лет назад. Или, если получится, остановить ее. Так или иначе, предстоит встреча с Эдейн. Хотя Лан предпочел бы встретиться с Запустением.

Не прошло и месяца, как Морейн решила, что в поисках, в которые ее вовлекло пророчество, очень мало приключений, а вот натертых седлом ссадин куда больше. И еще разочарований. От данных ею Трех Клятв кожу до сих пор будто стягивало. Ветер ударил ставнями, и она поерзала на жестком деревянном стуле; потом, скрывая свое нетерпение, отпила неподслащенного чая. В Кандоре, в доме, где соблюдают траур, об уюте и удобствах пекутся в последнюю очередь. Морейн не удивилась бы, увидев иней на резной мебели или изморозь на металлических часах над погасшим камином.

- Это все было так странно, миледи, - вздохнула госпожа Надзима и в десятый раз прижала к себе дочерей. Звали их Колар и Эзелле, и лет им было, наверное, тринадцать-четырнадцать. Девочки стояли вплотную к сидевшей на стуле матери, и у них, как и у нее, были длинные черные волосы и большие голубые глаза, в которых еще не угасла боль потери. Глаза их матери тоже казались

большими на осунувшемся от горя лице, а простое серое платье висело на госпоже Надзиму мешком. - Джосеф всегда осторожно обращался в конюшне с фонарями, - продолжала она, - и никогда не зажигал открытого огня. Должно быть, мальчики принесли Джерида, посмотреть, как работает отец, и... - Еще один тяжелый вздох. - И все оказались в ловушке. Как могло случиться, чтобы огонь так быстро охватил всю конюшню...

- Многое вообще трудно понять, - успокаивающе промолвила Морейн, поставив чашку на столик сбоку. Она сочувствовала собеседнице, но та уже начала повторяться. - Нам не всегда очевидны объяснения, но мы можем утешиться тем знанием, что объяснение есть. Колесо Времени вплетает нас в Узор по своему усмотрению, но Узор есть творение Света.

Слушая себя, Морейн с трудом сдержалась, чтобы не поморщиться. Эти бы слова да подкрепить авторитетностью и величественным видом, которых им не могла придать ее молодость. Если бы время шло быстрее! Хотя бы следующие пять лет. Пять лет - и она обретет полную силу, и вид у нее будет соответствующий ее званию. Ей всегда недоставало значительности. Но тогда печать безвозрастности, какую накладывает многолетняя работа с Единой Силой, сделала бы ее нынешнюю задачу гораздо сложнее. Менее всего Морейн желала, чтобы кто-нибудь углядел связь между ее визитами и Айз Седай.

- Как скажете, миледи, - вежливо пробормотала госпожа Надзима, хотя неосмотрительно брошенный на Морейн взгляд светлых глаз выдал ее мысли. Эта чужестранка - глупое дитя. Скрамный голубой камень кесайры, на тонкой цепочке висевший на лбу Морейн, и ее темно-зеленое платье всего с шестью цветными полосами на груди - хотя по титулу она вправе носить гораздо больше их число - заставили госпожу Надзиму считать ее обыкновенной кайриэнкой благородного происхождения, одной из многих, кого айильцы, разорившие Кайриэн, вынудили покинуть родной кров. Особа пусть и знатная, но из какого-то захудалого Дома, носящая имя Элис, а вовсе не Морейн, вызвала сочувствие - ведь она скорбит по своему королю, убитому дикими айильцами. Придерживаться этой выдумки труда не составляло, хотя о дяде Морейн ни капельки не горевала.

Вероятно, почувствовав, что чем-то выдала свое отношение к чужестранке, госпожа Надзима вновь зачастила:

- Просто Джосефу всегда так везло, миледи. Все об этом твердили. Дескать, если Джосеф Надзима свалится в яму, то на дне уж точно опалы найдет. Когда он по призыву леди Карейл отправился сражаться с айильцами, я очень тревожилась, но он ни царапинки не получил. Лагерной лихоманкой не захворали ни дети, ни мы с ним. Без труда он добился расположения леди Карейл. Тогда казалось, будто сам Свет осиял нас. Благополучно родился Джерид, война кончилась, все шло хорошо, а когда мы вернулись в Канлуум, миледи за верную службу наградила Джосефа, подарила ему конюшню, и... и... - Она с трудом сдержала рыдания. Колар заплакала, и мать крепче прижала ее к себе, шепотом утешая девочку.

Морейн встала. Опять все снова. Здесь ей больше нечего делать. Джуринэ тоже встала - не самая высокая женщина, но все же выше Морейн почти на ладонь. И обе девочки могли бы, не поднимая головы, смотреть Морейн в глаза. Покинув родной Кайриэн, Морейн уже свыклась с подобным обстоятельством. Заставив себя не торопиться, она тихо проговорила слова соболезнования и, пока девочки ходили за ее перчатками и подбитым мехом плащом, попыталась сунуть в руки госпожи Надзимы замшевый кошель. Маленький кошелек. За наличными деньгами нужно обращаться к банкирам, а это - явный след. Дело не в том, что после набега айильцев еще несколько лет доходы с ее поместий будут не слишком-то велики. И не в том, что кто-то ищет ее. Тем не менее следов лучше не оставлять - если ее раскроют, хорошего в этом будет мало.

Гордо выпрямившись, кандорка отказалась от кошелька, и Морейн рассердилась. Впрочем, Морейн понимала, в чем причина ее гнева. Она сама знала, что такое гордость, и, кроме того, леди Карейл позаботилась о верных ей людях. Настоящей причиной гнева Морейн было ее собственное желание поскорее уйти. В одночасье, в огне пожара, Джуринэ Надзима потеряла мужа и троих сыновей, но ее Джерид родился милях в двадцати от нужного места. Поиски продолжаются. Морейн не нравилось, что из-за смерти ребенка она испытывает чувство облегчения. Но это было именно так.

Выйдя за порог, под серое небо, Морейн закуталась в плащ. Она давно научилась простому приему, позволявшему не замечать холода, но всякий, кому вздумается расхаживать по улицам Канлуума в плаще нараспашку, непременно окажется в центре внимания. Во всяком случае, любой чужестранец, если это не явно Айз Седай. Кроме того, не позволить себе мерзнуть еще не значит забыть о холоде. А местный люд говорит "снова пришла весна", и без тени насмешки!

Хотя по крышам стелился пронизывающий до костей ветер, на изгибавшихся дугой улицах было полно народу, и Морейн с трудом пробиралась в сутолоке людей, повозок, фургонов. Будто весь мир собрался в Канлууме. Торопливо промолвив извинение, мимо протолкнулся тарабонец с густыми усами, темнокожая уроженка Алтары покосилась на Морейн, потом встретился иллианец - с бородкой, но с выбритой верхней губой. Можно сказать, красавчик, и не слишком высок. В другой день, в другом городе она с удовольствием поглазела бы на этого парня. Сейчас же она едва заметила его. Сейчас ее больше волновали женщины - Морейн кидала на них настороженные взгляды, особенно на тех, кто был хорошо одет - в шелк или тонкую шерсть. Плохо, что тут столько женщин в вуалях. Дважды в толпе она замечала уверенно шагавших Айз Седай - ни ту, ни другую Морейн прежде не встречала. Ни одна не взглянула в сторону Морейн, но она, пригнув голову, держалась противоположной стороны улицы. Надо было бы надеть вуаль. Мимо прошла коренастая женщина, черты ее лица скрадывали кружева. Да в такой вуали и с десяти шагов саму Сайрин Вайю не узнаешь!

При этой мысли, сколь бы нелепой она ни казалась, Морейн вздрогнула. Если новая Амерлин пронюхает, что у нее на уме... Влезть в тайные планы, непрощенно и втихомолку, - такое безнаказанным не останется. И не важно, что Амерлин, начавшая их осуществлять, умерла во сне, а ныне на Престоле Амерлин восседает другая. Самое меньшее - Морейн сошлют в уединение на какую-нибудь ферму до тех пор, пока поиски не будут завершены.

Это несправедливо. Морейн вместе со своей подругой Суан помогали составлять список женщин, которые родили ребенка в те дни, когда Айил подступили к самому Тар Валону. Они вдвоем, скрывая свою принадлежность к Айз Седай, предлагали этим женщинам свою помощь. Из всех, кому было поручено собирать эти сведения, лишь Морейн да Суан знали, какова подлинная цель. Именно они, вычеркнув ненужные имена, вручили Тамре получившийся список. На самом деле интерес представляли лишь дети, родившиеся вне городских стен, хотя, разумеется, обещанную помощь получили все найденные матери. Но главное в ведущихся поисках - мальчики, родившиеся на западном берегу реки Эринин, мальчики, которые могли родиться на склонах Драконовой горы.

За спиной Морейн раздался пронзительно-злой женский крик, и она отскочила в сторону, лишь потом сообразив, в чем дело. Возница, размахивая бичом, отгоняла прочь не слишком поворотливого торговца мясными пирогами, загромождившего ей проезд своей тележкой. О Свет! Нет, самое меньшее, на что она смеет рассчитывать, это ферма в глуши!

Несколько мужчин хрипло засмеялись над столь явным испугом Морейн, а один, смуглолицый тайронец в полосатом плаще, отпустил грубую шутку, что холодный ветер, мол, у нее под юбками шарит. Остальные засмеялись еще громче.

Морейн, с пылающим лицом и одеревенелой спиной, зашагала дальше, пальцы стиснули серебряную рукоять поясного ножа. Неосознанно она обняла Истинный Источник, и Единая Сила хлынула в нее дарящим жизнь потоком. Ей хватило одного короткого взгляда через плечо: ее наполнял саидар, и запахи стали намного явственнее, а краски ярче. Тайренец хохотал вовсю, откинув за спину плащ - Морейн могла бы пересчитать нити основы в тяжелой ткани плаща. Она направила крохотные струйки Силы - тонкие жилы Воздуха, и вдруг узлы завязок распустились и мешковатые штаны весельчака свалились на отвороты сапог. Взревев как бык, он запахнулся в плащ, а хохот вокруг вспыхнул с новой силой. Пусть на своей шкуре испытает холодный ветер и грубые шуточки!

Но стоило отпустить Источник, и удовольствия как не бывало. Морейн всегда подводили вспыльчивый характер и несдержанность. Любая способная направлять женщина, окажись она неподалеку, могла бы заметить плетение Морейн, могла бы увидеть окружившее ее сияние саидар. Даже эти мизерные потоки самая слабая в Башне сестра почувствовала бы в тридцати шагах. И это называется скрытность!

Ускорив шаг, Морейн заторопилась прочь от места происшествия. Слишком поздно спешить, но большего она сделать не могла. Она дотронулась до маленькой книжечки в поясном кошельке, стараясь сосредоточиться на своей задаче. Но, как выяснилось, одной рукой придерживать обе полы плаща невозможно - плащ забился на ветру, и, мгновение поколебавшись, Морейн открыла себя пронизывающему холоду. Глупы те сестры, которые на каждом шагу сами казнят себя за оплошности, но порой наказание может сослужить добрую службу. Например, напомним о том, о чем забывать нельзя. Если не проявлять осторожности, то проще теперь же вернуться в Белую Башню и приняться за прополку грядок с репой.

Мысленно Морейн зачеркнула имя Джуринэ Надзима. Многие имена в книжечке уже были зачеркнуты чернилами.

Матери пятерых мальчиков, родившихся в ином месте. Матери трех девочек. Айильцам у Сияющих Стен противостояла почти двухсоттысячная армия, но Морейн до сих пор поражало, сколько за солдатами шло женщин, сколько из них было беременных. У сестры постарше нашлось бы объяснение этому явлению. Война была долгой, и мужчины, зная, что завтра могут погибнуть, хотели оставить что-то после себя. Женщины, которые знали, что их мужчины завтра могут погибнуть, хотели что-то сохранить после них.

В интересующие ее десять дней от бремени разрешились сотни женщин, а в том войске, где оказались солдаты чуть ли не из всех земель, очень редко знали о точном месте или времени рождения ребенка. А когда война окончилась. Коалиция распалась, а армия разошлась по домам, тогда лишь по слухам было известно, откуда были родители ребенка. Слишком много оказалось записей вроде этой: "Сэйра Деосин. Муж - Эйджин. Из Муранди. Сын?" Всего пара имен, а для поисков - целая страна, и никакой уверенности, что родился мальчик. Или, например, такая: "Кари алТор. Из Андора? Муж - Тэмлин, Второй Капитан иллианских Спутников, ушел в отставку". Эта пара могла уйти куда глаза глядят - ищи по всему миру! К тому же есть сомнения, был ли у нее ребенок. Подчас в список попадало лишь имя матери, вдобавок - шесть или восемь вариантов названия ее родной деревни, а в какой стране - непонятно, выбирай из двух или трех. Список тех, кого можно найти без труда, сокращался быстро.

Но найти ребенка необходимо. Того младенца, который, выросши и возмужав, способен будет владеть запятнанной мужской половиной Истинного Источника. Вот потому-то поиски ведутся в такой тайне, потому-то Тамра постаралась как можно дольше держать в стороне Морейн и Суан, которые, еще будучи Принятыми, случайно узнали о рождении ребенка. Такое дело не для Принятых, а для искушенных сестер. Но кому она могла довериться, получив Предсказание о рождении Дракона Возрожденного, и более того, зная, что тот где-то уже сосет материнскую

грудь? Снились ли ей те же кошмары, от каких Морейн и Суан часто просыпались в холодном поту? Но этот мальчик, став мужчиной, должен спасти мир - ибо так гласят Пророчества о Драконе. Если только его не отыщет Красная сестра - ведь Красная Айя в первую очередь обязана выискивать мужчин, способных направлять, и Морейн нисколько не сомневалась, что Тамра ни одной из них не доверяла, пусть даже речь идет о ребенке. Нельзя полагаться на Красных - они могут забыть, что в нем спасение человечества, но легко вспомнят, кто он такой. От последней мысли Морейн прошиб озноб.

Комнатку Морейн снимала в гостинице под названием "Небесные врата", самой лучшей и самой большой гостинице Канлуума. Широкое каменное здание в четыре этажа под зеленой крышей окружали лавки, а позади виднелись на холме особняки знати. Морейн ни за что не остановилась бы тут, но во всем городе она не сумела отыскать свободной комнаты. Глубоко вздохнув, она решительно шагнула внутрь. Ее спорбленные плечи не распрямили ни охватившее разом тепло от огня, жарко пылавшего в четырех больших каминах, ни доносящиеся с кухни дразнящие ароматы.

Все столики в просторной общей зале с выкрашенными в алый цвет потолочными балками были заняты. В основном просто одетыми купцами, среди которых богатой вышивкой ярких блуз и платьев выделялись состоятельные ремесленники. Их Морейн едва удостоила взглядом. В "Небесных вратах" поселились не меньше пяти Айз Седай, и все они сейчас сидели в общей зале. У хозяина гостиницы, мастера Хэлвина, всегда найдется комната для Айз Седай, даже если для этого понадобится потеснить прочих постояльцев. Сестры держались на особицу, почти не глядя друг на дружку, и даже те, кто по облику не сразу признавал в них Айз Седай, ясно понимали, что лучше держаться от них подальше. Мест за столиками не хватало, но рядом с Айз Седай если кто и сидел, так только ее Страж, который со стороны мог показаться обычным человеком, но достаточно было одного взгляда суровых глаз, чтобы понять свою ошибку. Одна из сидевших в одиночестве сестер была из Красной Айя - Стражей у Красных не было.

Заткнув перчатки за пояс и перекинув плащ через руку, Морейн двинулась к каменной лестнице в дальнем конце залы. Не спеша, но и не мешкая. Глядя прямо перед собой. Ей незачем было видеть безвозрастные лица или блеск золотого кольца в виде змея, глотающего собственный хвост.

Каждый раз, проходя рядом с другой сестрой, она чувствовала в женщине способность направлять Силу, ощущала ее мощь. Здесь никто не сравнится с ней. Морейн могла чувствовать их способность, но и они могли почувствовать ее. Они провожали ее взглядами, а Морейн казалось, будто они касаются ее пальцами. Никто ее не остановил. Никто не заговорил с нею.

Но стоило Морейн дойти до лестницы, как позади раздался женский голос:

- Ну и ну! Вот так сюрприз!

Быстро повернувшись, Морейн с трудом сохранила на лице спокойствие и тут же присела в реверансе - как и положено не слишком родовой даме приветствовать Айз Седай. Точнее, двух Айз Седай. Встреча с любой из этих одетых в неяркие шелка женщин в намерения Морейн никак не входила. А тут - что за невезение - наткнулась разом на двух!

Белые пряди в длинных волосах меднокожей Ларелле Тарси придавали особую строгость ее элегантному облику. Морейн хорошо ее помнила - Ларелле не раз занималась с нею, и когда Морейн ходила в послушницах, и когда уже стала Принятой. И еще Ларелле славилась умением задать такой вопрос, услышать который тебе хотелось менее всего. Еще хуже - толстуха Мериан Редхилл, ее седеющие волосы были собраны в узел на затылке, и безвозрастные черты скрадывало по-матерински строгое выражение лица. При Тамре она была Наставницей Послушниц и, если надо было, всегда узнавала то, что больше всего хотелось утаить. Ларелле по

сравнению с ней показалась бы просто слепой. Обе красовались в вышитых виноградными лозами шальях, и шаль Мериан была украшена голубой бахромой. Морейн тоже принадлежала к Голубой Айя. Это могло иметь значение. А могло и не иметь никакого значения. Странно было видеть их вместе - у Морейн сложилось впечатление, что друг дружку они не особенно любят.

К несчастью, по Силе обе Айз Седай превосходили Морейн, хотя со временем она и станет сильнее их, но из-за существующей разницы ей придется если и не подчиниться им, то считаться с ними. Впрочем, они не вправе ставить ей препоны - что бы она ни делала. В этом отношении обычай соблюдали строго. Если только они не участвуют в поисках, начатых Тамрой, и та не рассказала им о Морейн. Приказы Америкин должны исполняться прежде всего, они превыше всех неписаных правил. Но стоит прозвучать здесь неверному слову, как среди сидящих в зале сестер разойдется весть, что Морейн Даморед почему-то путешествует под чужим именем, и слух как пить дать быстро дойдет до ненужных ушей, и уж наверняка яду в этих шепотках будет предостаточно. Уж таков мир. А потом - и очень скоро - Морейн получит распоряжение возвратиться в Тар Валон. Она открыла рот, решив опередить события, но кто-то заговорил раньше нее.

- Ни к чему ее проверять, - обернувшись к двум Айз Седай, скрипучим голосом произнесла сестра, сидевшая за столиком одна. Стройную русоволосую сестру из Коричневой Айя звали Фелана Бевайн, именно она заметила Морейн, едва та появилась в гостинице, и затеяла разговор. - Говорит, ей не хочется отправляться в Башню. Упрямая, хоть кол на голове теши. Да и скрытная к тому же. Можно подумать, всем известно о каком-то дичке, вдруг выросшем в захолустном кайриэнском Доме! Но это дитя ни с кем не желает делиться своей тайной.

Ларелле с Мериан посмотрели на Морейн: Ларелле - выгнув задумчиво тонкую бровь, а Мериан явно пряча улыбку. Большинство сестер недолюбливали дичков, или дикарок, - женщин, которые самостоятельно, без помощи в Белой Башне, научились направлять Силу и остались при этом в живых.

- Истинно так, Айз Седай, - осторожно промолвила Морейн, чувствуя облегчение от того, что кто-то другой начал разговор. - У меня нет никакого желания становиться послушницей.

Фелана не мигая уставилась на Морейн, но вновь обратилась к двум сестрам:

- Говорит, будто ей двадцать два, но бывало, это правило обходили. Женщина говорит, что ей восемнадцать, и тогда ее берут на обучение. Конечно, если возраст не слишком явно бросается в глаза, а эта девочка...

- Наши правила лучше не нарушать, - отрезала Ларелле, а Мериан добавила напряженным тоном:

- По-моему, эта молодая женщина не станет врать о своем возрасте. Она не хочет становиться послушницей, Фелана. Пусть идет своей дорогой.

Морейн едва не испустила вздох облегчения. Хотя Фелана и была слабее двух других Айз Седай, она явно не желала смириться с тем, что ее перебили. Очевидно, Фелана намеревалась продолжить спор и привстала было, но, когда она взглянула на лестницу позади Морейн, глаза ее расширились и Коричневая сестра вдруг уселась обратно, уставясь в свою тарелку с черным горохом и луком с таким видом, будто больше ничего в жизни ее не интересовало. Мериан и Ларелле подтянули шали, по серой и голубой бахrome пробежала рябь. Вид у обеих был такой, словно им очень хотелось оказаться где-нибудь в другом месте, а самих в то же время будто гвоздями к полу прибили.

- Значит, эта девочка не желает быть послушницей, - раздался на лестнице женский голос. Его Морейн слышала лишь однажды, два года назад, но не забудет никогда. Считанные женщины

были сильнее обладательницы этого голоса, но ныне сравниться с нею в Силе могла в лучшем случае одна. Невольно Морейн кинула взгляд через плечо.

Чуть ли не все считали, что Кадсуане Мелайдрин, удалясь на покой, давным-давно умерла, но она появилась с началом Айильской Войны, и, наверно, немало сестер пожалели, что та и в самом деле не упокоилась в тихой могиле. Кадсуане была особой легендарной, а очень неуютно чувствуешь себя, когда рядом стоит живая легенда и смотрит на тебя. Ее деяния, по слухам, казались совершенно невероятными, а остальные были и того хлеще, хотя многому имелись подтверждения. Однажды король Тарабона, когда открылось, что он способен направлять Силу, попросту исчез из дворца и был вывезен в Тар Валон для укрощения, а по пятам гналась армия, которая не поверила такому о своем правителе и жаждала вызволить его. Король Арад Домана и королева Салдэйи - оба были похищены и тайно увезены, и когда Кадсуане в конце концов освободила их, неминуемая, казалось бы, война сама собой затухла. Поговаривали, что закон Башни ей не указ, на обычаи она плевала, шла своим путем и подчас тащила за собой других.

- Благодарю Айз Седай за заботу обо мне, - начала было Морейн, но умолкла под взглядом Кадсуане. Ее взгляд был не просто суровым. Безжалостным. По слухам, многие годы даже восседавшие на Престоле Амерлин с опаской относились к Кадсуане. Шептались, будто однажды она накинулась на Амерлин чуть ли не с кулаками. Что, разумеется, невозможно - ее бы наверняка казнили! Морейн сглотнула комок в горле и попыталась заговорить снова, но опять не смогла вымолвить ни слова.

Спускаясь по лестнице, Кадсуане сказала Ларелле и Мериан:

- Приведите девушку.

Не оглядываясь, она двинулась через общий зал. Купцы и мастеровые, кто в открытую, кто искоса, посматривали на нее, как и Стражи, но все сестры сидели, не поднимая глаз от столешниц.

Лицо у Мериан вытянулось, Ларелле шумно вздохнула, но обе Айз Седай подтолкнули Морейн вслед за покачивающимися золотыми украшениями в прическе Кадсуане. Делать нечего, нужно подчиниться. Хорошо хоть, Кадсуане не из тех, кому давала поручение Тамра: после того памятного появления в начале войны она в Тар Валон не возвращалась.

Кадсуане провела всех в одну из отдельных гостиных, где в камине, выложенном черным камнем, пылал огонь, а на стенах, отделанных красными панелями, висели серебряные лампы. Возле камина грелся высокий кувшин, и на лакированном подносе, стоявшем на маленьком резном столике, блестели серебряные кубки. Мериан с Ларелле устроились в обитых цветастой тканью креслах, но, когда Морейн, положив плащ на стул, собралась было сесть, Кадсуане остановила ее.

- Встань сюда, перед сестрами, дитя мое, - велела она. Еле удержавшись, чтобы не вцепиться пальцами в юбку, Морейн встала, как было сказано. Подчиняться кому бы то ни было она никогда не умела. До того, как в шестнадцать лет попасть в Башню, Морейн мало кому повиновалась. Почти все повиновалось ей.

Кадсуане принялась медленно ходить, обошла трех женщин по кругу, потом сделала второй круг. Мериан и Ларелле удивленно переглянулись, и Ларелле открыла было рот, но, бросив взгляд на Кадсуане, так ни слова и не сказала. Обе Айз Седай напустили на себя бесстрастно-спокойный вид - глядя со стороны, можно было подумать, что им совершенно ясно, что тут происходит. Иногда Кадсуане посматривала на них, но в основном она смотрела на Морейн.

- Большинство новоиспеченных сестер, - вдруг заговорила легендарная сестра, - шали почти не снимают, разве что когда спать ложатся или в ванну залезают. А ты здесь без шали и без кольца, да еще в таком опасном месте - опаснее лишь в самом Запустении. Почему?

Морейн заморгала. Вопрос задан без обиняков, в лоб. Кадсуане и в самом деле наплевать на условности и обычаи, когда они ее не устраивают. Морейн постаралась придать голосу живости.

- Новоиспеченные сестры еще и Стража себе ищут. - Почему Кадсуане так с ней обращается? - А у меня Стража еще нет. Мне говорили, что из мужчин Пограничья получаются превосходные Стражи.

Зеленая сестра одарила ее таким пронзительным взглядом, что у Морейн мелькнула мысль, не чересчур ли легкомысленно она говорила.

Остановившись за спиной Ларелле, Кадсуане положила ладонь на плечо Серой сестры.

- Что тебе известно об этой девочке?

Каждая из учениц Ларелле считала ее образцом сестры, и каждую страшила эта холодность. Все они боялись ее, и все хотели походить на нее.

- Морейн была прилежной ученицей, все схватывала на лету, - задумчиво произнесла Ларелле. - Быстрее всего в Башне учились она да Суан Санчей. Но вам это наверняка известно. Ну, что еще... На язык невоздержанна и чересчур вспыльчива была, пока мы ее не уняли - насколько нам удалось. Их с подружкой, той самой Суан, вечно на проделки тянуло. Но испытание на Принятую обе прошли с первого раза и шаль получили сразу. Ей, разумеется, необходима выдержка, закалка, но со временем из нее может получиться нечто толковое.

Кадсуане встала позади Мериан и задала тот же вопрос, прибавив:

- Ларелле сказала, ее вечно тянуло... на проделки. Трудный ребенок?

Мериан с улыбкой покачала головой. Никто из девочек не хотел быть Мериан, но все знали, к кому идти, чтобы выплакаться или чтобы попросить совета, когда нельзя и лучшей подруге довериться. Многие девочки бывали у Мериан по своей воле и не в пример чаще, чем их отправляли к ней для наказания.

- Нельзя сказать, что трудный, - сказала Мериан. - Скорее неугомонный. Ни одна из учиненных Морейн проказ не была злой, но было их предостаточно. И послушницей, и Принятой ее отправляли ко мне в кабинет много чаще, чем любых трех девочек вместе. Не считая разве что ее закадычной подружки Суан. Разумеется, очень часто бывает, что подруги в чем-то замешаны вместе, но эту парочку одну без другой ко мне не присылали. Последний раз это случилось тем самым вечером, когда они прошли испытание на право носить шаль. - Улыбку Мериан сменила нахмуренность, которую Морейн помнила по тому вечеру. Она не сердилась, скорее не верила, что молодые женщины способны выкинуть эдакий номер. И еще на лице ее тогда читалась еле заметная заинтересованность. - Вместо того чтобы провести вечер в раздумьях и медитации, они попытались подложить мышей в постель одной сестры, Элайды аТойхан. Вот за этим их и поймали. По- моему, не было еще женщины, которая получила звание Айз Седай и которой после последнего посещения Наставницы Послушниц приходилось бы с опаской садиться. С неделю, пока в них закреплялись Три Клятвы, им требовалось подушечку подкладывать.

Морейн удалось сохранить непроницаемое выражение лица, усилием воли она удержала пальцы, готовые сжаться в кулаки, но ничего не сумела поделать с заполохавшими щеками. И эта печально-заинтересованная нахмуренность, как будто Морейн все еще Принятая. Значит, ей

нужна выдержка? Ну, наверное, немного выдержки не помешает, но все-таки... И распространяться о той дружбе!

- По-моему, вы знаете обо мне все, что нужно знать, - напряженным голосом заявила Морейн Кадсуане. Никого не касается, как тесно дружили Суан и Морейн, только их двоих. Ни к чему рассказывать о наказаниях, да еще и в подробностях. Ученицы Элайду не любили - она, когда бы ни появлялась в Башне, всегда придиралась, требовала, чтобы все ее задания выполнялись без сучка и задоринки. - Мне пора. Я уезжаю в Чачин.

Морейн едва не застонала и прикусила язык, сообразив, что с него сорвалось. Ну вот опять! Стоит гневу взять над нею верх, как язык мелет невесть что. Если Ларелле и Мериан участвуют в поисках, то у них наверняка имеется хотя бы часть списка из записной книжечки Морейн. В том числе и Джуринэ Надзима, и леди Инее Демайн из Чачина, и Авинэ Сахира, которая "живет в деревне на проезжей дороге между Чачином и Канлуумом". Чтобы укрепить подозрения, остается еще сказать, что после она собирается ненадолго посетить Арафел, а потом - и Шайнар. Кадсуане неприятно улыбнулась.

- Ты уедешь, дитя мое, когда я разрешу. И помалкивай, пока тебя не спросят. Вон там в кувшине вино с пряностями. Налей-ка нам.

Морейн задрожала. "Дитя мое"! Она давно не послушница. Кадсуане не вправе приказывать ей уходить-приходить. Как и помалкивать. Но Морейн не стала протестовать. Она подошла к камину - впрочем, несколько деревянной походкой, - и взяла длинногорлый серебряный кувшин.

- Кажется, Кадсуане, тебя заинтересовала эта молодая женщина, - промолвила Мериан, чуть повернувшись и глядя, как Морейн разливает вино. - Нам о ней ничего знать не нужно?

Ларелле улыбнулась с еле заметной издевкой - или скорее всего лишь с намеком на насмешку, ведь рядом стояла Кадсуане, - и заметила:

- Неужели у кого-то было Предсказание, будто в один прекрасный день она станет Амерлин? Лично я ничего такого не замечаю, но вообще-то у меня нет таланта к Предсказанию.

- Я могу прожить еще лет тридцать, - сказала Кадсуане, протянув руку за предложенным Морейн кубком. - Или же три года. Кто возьмется сказать?

Глаза Морейн округлились, и она пролила горячее вино себе на запястье. Мериан тихо охнула, а у Ларелле был такой вид, точно ей в лоб заехали булыжником. Всякая Айз Седай скорей плюнет на стол, чем упомянет о своем возрасте или о возрасте кого-либо из сестер. Но Кадсуане - это не всякая Айз Седай.

- В следующий раз, дитя мое, будь чуточку поосторожнее, когда наливаешь вино, - невозмутимо, как ни в чем не бывало, промолвила Кадсуане. Морейн отошла к камину, не сводя с нее глаз, а Кадсуане продолжила: - Мейлин куда старше. Когда меня и ее не станет, тогда самой сильной останется Кирене. - Ларелле вздрогнула. - Тебя что-то беспокоит? - Заботливый тон Кадсуане вряд ли кого-нибудь ввел в заблуждение, и она продолжала, не дожидаясь ответа: - Если мы умалчиваем о возрасте, это еще не значит, что людям неведомо, что мы живем дольше них. Ха! А после Кирене - резкое падение к следующим пяти. Пять - если это дитя и та девочка Санчей разовьют свой потенциал. К тому же одной из пятерых столько же лет, сколько и мне, и она уже подумывает, не пора ли ей на покой.

- Какой в этом смысл? - спросила Мериан слабым, точно от дурноты, голосом.

Ларелле прижимала ладони к животу, лицо у нее посерело. Они едва взглянули на предложенное Морейн вино и знаком отказались, и она так и держала кубок в руке, хотя вряд ли сумела бы сделать хоть глоток.

Кадсуане нахмурилась - зрелище не из тех, что радуют сердце.

- За тысячу лет в Башню не пришла ни одна, кто сравнился бы со мною. За почти шестьсот лет - никого, сравнимого с Мейлин или Керене. Тысячу лет назад нашлось бы по меньшей мере пятьдесят сестер, кто по силе стоял бы выше этой девочки. А глядишь, через сотню лет она сама будет в числе первых. Возможно, конечно, что к тому времени отыщется кто-то посильнее, но вовсе не пятьдесят. Скорей всего вообще никого. Мы вырождаемся.

- Ничего не понимаю, - отрывисто сказала Ларелле. Судя по всему, она взяла себя в руки и злилась на себя за выказанную слабость. - Нам всем об этом известно, но при чем тут Морейн? По-твоему, ей суждено привести в Башню много девушек, и вдобавок с большим потенциалом? - Громким хмыканьем она ясно дала понять, что думает о подобной перспективе.

- Будет жаль, если впустую пропадет такой талант, причем раньше, чем сама она поймет, что к чему. Башня не имеет права потерять ее из-за ее собственного неведения. Взгляните на нее. Хорошенькая куколка, благородная малышка- кайриэнка. - Кадсуане указательным пальцем приподняла подбородок Морейн. - Если хочешь подыскать себе Стража, то скорей найдешь разбойника, которому захочется пошарить в твоём кошельке. Вот он и пустит стрелу тебе в сердце. Или громила, который при одном только виде спящей сестры млеет, проломит тебе черепушку, и очнешься ты в каком-нибудь закоулке, лишившись золота и, возможно, еще кое-чего. Сдается мне, Стража ты будешь выбирать с той же придирчивостью, как и своего первого мужчину.

Морейн отшатнулась, кипя от возмущения и сбивчиво что-то бормоча. Сначала говорили о ней и Суан, а теперь еще об этом! Есть же вещи, о которых говорить можно и о которых говорить совершенно не стоит!

На ее вспышку Кадсуане не обратила ровным счетом никакого внимания. Спокойно прихлебывая вино, она вновь повернулась к Ларелле и Мериан:

- Пока она не найдет себе Стража, который будет оберегать ее спину, лучше будет обереечь ее от собственной восторженности. Если не ошибаюсь, вы вдвоем собирались в Чачин. Вот с вами она и поедет. Надеюсь, из виду ее вы не упустите.

Морейн наконец обрела дар речи, но толку ее заявления возымели не больше, чем ее негодование. Ларелле с Мериан тоже принялись шумно возражать. За Айз Седай, пусть даже вчера получившей звание полноправной сестры, ни к чему "присматривать". У них и своих дел по горло. Что это за дела, Ларелле с Мериан не распространялись - да и мало какая сестра о том вслух станет говорить, - но ясно было, что попутчиц им и даром не надо. Кадсуане же не слышала того, чего слышать не желала, и настаивала, что Мериан с Ларелле должны поступать так, как угодно ей, а стоило им дать слабинку, сразу же этим воспользовалась. Очень скоро парочка ерзала на сиденьях и отговаривалась, что повстречались они лишь вчера и вряд ли им по дороге. Так или иначе, но обе намеревались пробыть в Канлууме дня два-три, а Морейн собиралась уехать сегодня же.

- Девочка останется тут до вашего отъезда, - решительно заявила Кадсуане. - Ладно, тогда с этим все. Уверена, вы обе хотите заняться тем делом, что привело вас в Канлуум. Не буду вас задерживать.

Кадсуане столь бесцеремонно указала Айз Седай на дверь, что Ларелле недовольно поддернула шаль, потом направилась к выходу, ворча, что Морейн горько пожалеет, если будет путаться под

ногами или хоть на час задержит ее на пути в Чачин. Мериан восприняла все куда проще, даже сказала, что присмотрит за Морейн как за родной дочерью. Правда, приятного ее улыбка не обещала.

Когда Ларелле с Мериан ушли, Морейн, не веря своим глазам, смотрела на Кадсуане. Ничего подобного она раньше не видывала. За исключением лавины. Теперь Морейн оставалось одно - держаться тише воды ниже травы, пока не подвернется случай улизнуть незаметно для Кадсуане и остальных. Разумней не придумаешь.

- Я ни с чем не согласна, - холодно промолвила Морейн. Очень холодно. - Что, если у меня есть в Чачине неотложные дела? Что, если я не стану ждать здесь два или три дня? - Пожалуй, Морейн и в самом деле стоит подучиться держать свой язык на привязи.

Кадсуане задумчиво рассматривала дверь, закрывшуюся за Ларелле и Мериан, но сразу повернулась и устремила пронзительный взор на Морейн.

- Ты носишь шаль всего пять месяцев, и у тебя уже есть неотложные дела? Ха! Ты до сих пор не усвоила первого урока: получение шали означает, что ты готова по-настоящему учиться. Второй урок - осторожность. Я слишком хорошо знаю, каково оно, когда ты молода, саидар наготове, а весь мир у твоих ног. Как тебе кажется. - Морейн пыталась вставить хоть слово, но это было все равно что оказаться на пути лавины. - В жизни тебе еще не раз придется многим рисковать - если проживешь достаточно долго. Ты и так уже очень рискуешь, не подозревая о том. Слушай меня внимательно. И делай так, как я скажу. Вечером я проверю твою кровать, и если она окажется пуста, я тебя отыщу и ты горько пожалеешь о тех мышах. А потом сможешь утереть слезы шалью, которая, по-твоему, делает тебя непобедимой. В этом ты заблуждаешься.

Уставясь на закрывшуюся за Кадсуане дверь, Морейн вдруг сообразила, что в руке у нее кубок с вином, и залпом выпила его до дна. Нет, эта женщина просто... устрашающая! Обычаями не позволено применять физическое насилие к другой сестре, но Кадсуане ни на волос не отступала от своих угроз. Она сказала об этом напрямую, значит, согласно Трем Клятвам, именно это и имела в виду. Невероятно. Совпадение ли, что она упомянула Мейлин Арганья и Керене Нагаши? Они были среди тех, кому поручила розыски Тамра. А может, Кадсуане тоже из их числа? Так или иначе, она приостановила поиски Морейн не меньше чем на неделю. Если и в самом деле придется отправиться вместе с Ларелле и Мериан. Но почему всего лишь на неделю? Если Кадсуане сама участвует в поисках... Если Кадсуане узнала о ней и Суан... Если... Что толку стоять тут и вертеть в руках пустой кубок! Морейн подхватила свой плащ.

Несколько человек оглянулись на нее, когда она спустилась в общий зал, - кое-кто с сочувствием. Несомненно, пытались представить себе, на что это похоже - оказаться в центре внимания трех Айз Седай, и не сомневались, что ничего приятного подобное не сулит. Ни у одной из сестер сострадания на лицах и в помине не было. Фелана довольно улыбалась - верно, предвкушала, как имя леди Элис вписывают в книгу послушниц. Ни Кадсуане, ни двух других Айз Седай нигде видно не было.

Потрясенная, Морейн пробиралась между столиками. Столько вопросов - и ни единого ответа! Ей захотелось, чтобы рядом была Суан: та головоломки щелкала точно орешки и не растерялась бы ни перед какой загадкой.

В дверь с улицы заглянула молодая женщина, сразу исчезнув из виду, и Морейн чуть не споткнулась. Если чего-то очень хочется, того и жди, что оно тебе почудится. Женщина заглянула вновь, капюшон плаща откинут на узелок за спиной, и это в самом деле была Суан, решительная и красивая, в простом синем платье со следами долгого пути. На этот раз она заметила Морейн, но не кинулась радостно навстречу, а кивком указала на улицу и снова исчезла.

С сердцем, стучавшим у самого горла, Морейн запахнулась в плащ и выскочила из гостиницы. Суан уже шла в уличной толчее, оборачиваясь через каждые два шага. Морейн заторопилась следом, тревога ее росла.

Суан должна была находиться за сотню миль отсюда, в Тар Валоне. Ее оставила при себе помощницей Сеталия Деларме, возглавлявшая сеть соглядатаев Голубой Айя. Об этой тайне Суан, сетуя на свою судьбу, как-то ненароком обмолвилась. Когда подруги были послушницами и Принятыми, Суан не переставала делиться мечтами о том, как отправится в мир, поглядит на него, но в тот день, когда девушкам вручили шали, Сеталия отвела Суан в сторонку, и с того вечера новоиспеченная Айз Седай стала разбирать приходящие из всех стран послания мужчин и женщин. Там, где другие не замечали ничего, Суан благодаря складу своего ума видела связь событий и нащупывала скрытые пружины. По Силе Сеталия не уступала Мериан, и должно пройти еще года три-четыре, прежде чем Суан посмеет сказать Сеталии, что оставляет свой пост. Скорей в День Солнца снег пойдет, чем Сеталия отпустит Суан на год раньше. И в Канлууме Суан могла оказаться только по одной причине... Морейн глухо застонала, и лопоухий парень, продававший вразнос булавки, окинул ее озабоченным взглядом; Морейн ответила ему таким яростным взором, что бедняга аж попятился.

Похоже, что Сайрин послала Суан вернуть Морейн и что на долгом пути тревога ни на минуту не оставляла Суан. Сайрин отличалась суровостью, и жалости у нее не было ни на унцию. В день избрания от новой Амерлин ожидают, что она дарует прощения и смягчит наказания; Сайрин же приказала выпороть двух сестер, а еще трех - на год изгнать из Башни. И с нее станет сказать Суан, какому наказанию она решила подвергнуть виновницу. Морейн содрогнулась. Весьма вероятно, Сайрин сумеет придумать сочетание Труда, Бедности, Умерщвления Плоти и вдобавок - Смирения Духа.

В сотне шагов от гостиницы Суан опять обернулась, обождала немного, чтобы подруга наверняка ее увидела, а потом юркнула в переулок. Морейн ускорила шаг и последовала за ней.

Рослая Суан расхаживала между незажженными масляными фонарями, что цепочкой протянулись вдоль всего узкого пыльного закоулка. Ничто не могло испугать Суан Санчей, дочь рыбака из самых опасных кварталов Тира, но сейчас в ее острых голубых глазах читался страх. Морейн открыла было рот, чтобы спросить, не подтвердились ли ее собственные страхи о Сайрин, но подруга заговорила первой.

- Морейн, скажи мне, что ты нашла его! Скажи, что это мальчик Надзимы! Мы передадим его Башне под присмотр сотни сестер, и на этом - все. Сотня сестер?

- Нет, Суан, - ответила Морейн. Откуда в голосе подруги такая дрожь? Совсем непохоже на Суан. - А что случилось?

Суан заплакала. Суан, у которой сердце льва, которая позволяла скатиться слезинке, лишь выйдя из кабинета Мериан. Обхватив Морейн руками, Суан крепко обняла ее. Она вся дрожала.

- Они все мертвы, - пробормотала Суан. - Айша и Керене, Валира, и Людис, и Мейлин. Сказали, что Айшу со Стражем убили в Муранди разбойники. Керене, по слухам, во время бури упала с корабля в Аргуэню и утонула. А Мейлин... Мейлин...

Морейн обняла подругу, что-то успокаивающе шепча. И оцепенело глядя поверх плеча Суан. Они узнали о пяти женщинах, которых Тамра отрядила на поиски, и все пять мертвы.

- Мейлин была... очень немолода, - медленно промолвила Морейн. Она не была уверена, что сумела бы вообще произнести подобные слова, если бы на эту тему в открытую не заговорила Кадсуане. Суан испуганно вздрогнула, и Морейн через силу продолжила: - Да и остальные,

особенно Керене... - Даже для Айз Седай возраст под двести лет не назовешь молодостью. - И несчастные случаи бывают. И разбойники попадают. И бури случаются.

Она и сама с трудом верила своим словам. Все сразу?

Суан отстранилась.

- Ты не понимаешь! Мейлин... - Морщась, она яростно вытерла глаза. - Рыбий потрох! Попробую пояснее. Возьми себя в руки, дура проклятая! - Последние слова она прорычала себе самой. Мериан, да и другим, пришлось немало постараться, чтобы обуздать склонный к ругательствам язык Суан, но едва шаль оказалась на ее плечах, как все вернулось снова. Подведя Морейн к перевернутой бочке, она усадила подругу. - Присядь-ка лучше, а то на ногах не устоишь, когда услышишь, что я тебе скажу. Будь я проклята, меня и саму ноги бы не держали.

Подтащив поближе разбитый ящик, Суан устроилась на нем. Она разглаживала юбки, всматривалась в створ улицы, ворча на заглядывавших в переулок прохожих. Ее явное нежелание говорить ничуть не успокаивало Морейн. Как, впрочем, и саму Суан. Когда она заговорила снова, то ей пришлось сглотнуть, точно ее мутило.

- Мейлин вернулась в Башню почти месяц назад. Почему, я не знаю. Она ничего не сказала, ни где была, ни куда собирается. Просто собиралась остаться на несколько месяцев. Я... О Керене я услышала утром того дня, когда вернулась Мейлин, а о других еще раньше. Поэтому я решила поговорить с Мейлин. И не смотри так на меня! Я знаю, что значит быть осторожной! - Уж что-что, а слово "осторожная" в понимании Морейн никак не было приложимо к Суан. - Я пробралась тайком в ее апартаменты и спряталась под кроватью. И слуги не увидели меня, когда перестилали постель. - Суан горестно хмыкнула. - Там я и уснула. Меня разбудило солнце, но постель была не смята. Тогда я выскользнула за дверь и спустилась на завтрак, ко второй смене. И вот ем я овсянку, и появляется Чесмал Эмри и... Она... Она сказала, что ночью Мейлин умерла в своей постели, - торопливо dokonчила Суан и тяжело вздохнула, глядя на Морейн.

Морейн порадовалась тому, что сидит, иначе колени у нее обязательно подломились бы. Она выросла в центре Даэсс Дей'мар, Великой Игры, - так называли интриги и заговоры, которые насквозь пронизывали жизнь Кайриэна, когда в каждом слове искали скрытый смысл, а в каждом поступке видели часть хитроумного плана. Но сейчас было не до смысловых оттенков. Произошло убийство.

- Красная Айя? - в конце концов предположила Морейн. Красные Айя могли бы убить женщину, заподозренную ими в защите мужчины, способного направлять Силу.

Суан фыркнула.

- На теле Мейлин не было ни царапинки, а Чесмал наверняка обнаружила бы яд, или удушение, или... А это, Морейн, означает только одно - Силу. Пойдут ли даже Красные на это? - В голосе Суан звучала ярость, но она скинула со спины мешок, положила на колени и прижала к себе. Казалось, она что-то прячет за ним. Однако, судя по сердитому лицу, гнева в ней теперь было больше, чем страха. - Пораскинь мозгами, Морейн. Считается, что Тамра тоже умерла во сне. Только мы знаем, что в случае с Мейлин дело нечисто, и какая разница, где ее нашли. Сначала Тамра, а потом умирают остальные. Вот в чем смысл: кто-то заметил, как она вызывает к себе сестер, и решил узнать, в чем причина. Причем захотел настолько, что рискнул допрашивать саму Амерлин. Значит, им есть что скрывать, раз они пошли на такое. И они рискнули всем, лишь бы их тайна оставалась нераскрытой. Они убили ее, скрыв ее смертью, что они наделали, а потом решили убить остальных. А это означает, что они не хотят, чтобы мальчика нашли, нашли живым. Им не нужен Дракон Возрожденный для Последней Битвы. Вот так, как ни крути. Иные объяснения - все равно что выплеснуть против ветра ведро с помоями и надеяться себя не обрызгать.

Не осознавая, Морейн всматривалась в конец переулочка. Мало кто из прохожих хотя бы раз оглядывался на двух сидящих женщин. Никто не останавливался. Никому не было до них никакого дела. О некоторых вещах проще говорить, когда ничем не выделяешься. "Амерлин" была допрошена;

"она" была убита. Не Тамра - это имя вызвало бы в памяти знакомое, преисполненное решительности лицо. "Кто-то" убил ее. "Они" не хотят, чтобы нашли Дракона Возрожденного. Убийство посредством Силы, несомненно, означает нарушение Трех Клятв, даже для... для тех, чье имя Морейн хотелось произносить не больше, чем Суан.

Усилив воли, придав лицу бесстрастное выражение, а голосу - спокойствие, Морейн с трудом вымолвила:

- Черные Айя.

Суан дернулась, потом, зло сверкнув исподлобья глазами, кивнула.

Любая сестра неминуемо разгневалась бы, услышав предположение, что существует тайная Айя, скрытая среди остальных и всецело предавшаяся служению Темному. Большинство сестер попросту отказались бы слушать. Белая Башня стоит на стороне Света более трех тысяч лет. Но были сестры, которые не отменяли с порога существования Черных Айя. Некоторые полагали, что в этом есть доля правды. Считанные единицы, в разговоре с другой сестрой, признали бы существование Черной Айя, однако Морейн не хотелось признаваться в этом даже себе.

Суан потеряла завязки своего мешка и бодро заговорила:

- Вряд ли им известны наши имена: Тамра не считала, что мы участвуем в этих поисках. Иначе со мной тоже произошел бы "несчастный случай". Перед уходом я подсунула под дверь Сайрин записку со своими подозрениями. Только я не знаю, насколько можно ей доверять. И кому - Амерлин! Я писала левой рукой, но так дрожала, что никто не признал бы моего почерка, даже если бы я писала правой. Чтоб у меня печенка сгорела! Даже знай мы, кому доверять, у нас не доказательства, а какая-то трюмная водичка.

- Мне и этого достаточно. Если им все известно, имена всех, кого выбрала Тамра, то, наверно, никого и не осталось, только мы. Нам нужно пошевеливаться, у нас еще есть надежда первыми отыскать мальчика. - Морейн тоже старалась говорить энергичным тоном. Хорошо, что Суан ограничилась лишь кивком. Сколько бы Суан ни твердила, что вся дрожит, она ни за что не отступит. И ей даже в голову не придет, что Морейн способна сдаться. И это радовало больше всего. - Может, они узнают о нас, а может, и нет. Или решили двух молоденьких сестер оставить напоследок. Так или иначе, полагаться мы можем лишь на самих себя. - Кровь отхлынула от лица Морейн. - О Свет? Ты знаешь, Суан, с кем я встретила в гостинице?

Морейн попыталась припомнить каждое слово, каждый нюанс встречи, с того самого момента, как заговорила Мериан. Суан слушала, устремив взгляд куда-то вдаль, взвешивая все и раскладывая по полочкам.

- Да, Тамра могла поручить Кадсуане поиски ребенка, - согласилась Суан, когда Морейн закончила рассказ. - А может, Кадсуане - из Черной Айя. - На этих страшных словах она даже не запнулась. - А может, она просто пытается убрать тебя с дороги, а потом избавиться от тебя, не возбуждая подозрений. Вся беда в том, что все может оказаться и так, и этак. - Подавшись вперед, Суан положила ладонь на колено Морейн. - Сумеешь незаметно вывести лошадь из конюшни? У меня лошадь хорошая, но я не уверена, свезет ли она нас обеих. Нужно побыстрее сматывать удочки. Когда через -несколько часов нас хватятся, мы будем уже далеко.

Морейн невольно улыбнулась. Она очень сомневалась, что лошадь вообще хороша. Лошадей ее подруга умела выбирать не лучше, чем сидеть в седле, а бывало, Суан падала наземь, когда животное и с места-то двинуться не успевало. Поездка на север оказалась для нее сущим мучением. Да и страху она немало натерпелась.

- Суан, никто не знает, что ты здесь, - сказала Морейн. - Лучше, если и не узнают. Твоя записная книжка при себе? Хорошо. Если я останусь до утра, то в запасе у меня будет целый день, а не несколько часов. Ты же отправляйся в Чачин сейчас. Вот, возьми немного денег. - Судя по платью Суан, в конце пути ей приходилось ночевать под кустом. А у дочери рыбака нет имений, откуда присылают золото. - И сразу начинай искать леди Инее. В Чачине я тебя нагоню.

Конечно, убедить Суан оказалось непросто - упрямства в ней было как воды в широкой Эринин. Не говоря уж о том, что и послушницей, и Принятой в их паре верховодила всегда дочь рыбака, а не племянница короля; это обстоятельство порой изумляло Морейн, пока в конце концов это не стало иногда казаться ей совершенно естественным. Суан на роду написано руководить другими.

- Да у меня самой хватит, - заворчала Суан, но Морейн поделила пополам содержимое своего кошелька и все-таки настояла на своем, напомнив подруге о клятве, данной еще в первые месяцы в Тар Валоне: что принадлежит одной, принадлежит и другой. Суан на это пробурчала: - Мы еще обещали, что найдем прекрасных юных принцев и свяжем их узами, а потом и выйдем замуж. Девочки вечно чушь всякую порют. Ладно, ты сама будь поосторожнее. Оставишь меня одну все расхлебывать, я тебе шею сверну.

Обнявшись на прощание, Морейн почувствовала, как тяжело ей расставаться с подругой. Час назад она тревожилась, не отправят ли ее на ферму, а самым страшным наказанием казались розги. А теперь... Черные Айя. Морейн замутило. Как бы ей хотелось быть такой же отважной, как Суан. Глядя на Суан, шагающую по переулку и поправляющую узел за спиной, Морейн пожалела, что не выбрала Зеленую Айя. Только Зеленые связывали себя узами с несколькими Стражами, и Морейн очень бы не помешало, чтоб ее прямо сейчас оберегали не меньше трех-четырех Стражей.

Шагая по улице, Морейн не переставая косилась на прохожих, на мужчин и на женщин. Если в дело замешаны Черные Айя - при этой мысли у нее всякий раз все внутри сжималось, - то наверняка не обойдется и без заурядных Приспешников Темного. Никто не говорил, что их нет, и в надежде на возделенную награду те, кто уверовал, что Темный одарит их бессмертием, готовы были не только на убийство, но и на любое злодейство. А коли любая сестра могла обернуться Черной, то всякий встречный вполне мог на поверку оказаться Приспешником Темного. Оставалось лишь надеяться, что и Суан этого не забывает.

Когда Морейн подходила к "Небесным вратам", в дверях гостиницы показалась сестра. Во всяком случае, Морейн разглядела руку и бахромчатую шаль. Только что вышедший из гостиницы высокий мужчина с заплетенными в две косички волосами повернулся к Айз Седай и что-то коротко сказал, но, подчинившись властному жесту руки с шалью, с хмурым видом двинулся прочь и прошел мимо Морейн. Она не обратила бы на происшедшее особого внимания, но в голове у нее вертелись мысли о Черной Айя и о Приспешниках Темного. Хотя что тут такого - Свету ведомо, Айз Седай разговаривает с мужчиной, некоторые сестры с ними не только разговаривают. Но думала-то Морейн о Приспешниках Темного. И о Черных сестрах. Жаль, не сумела разглядеть цвет бахромы. Морща в раздумье лоб, она торопливо прошла последние тридцать с лишком шагов.

Возле двери, отдельно от прочих, сидели вместе Мериан и Ларелле, на обеих были шали. Немногие сестры носили шали, разве что напоказ или же на официальных церемониях. Обе женщины смотрели на Кадсуане. Та направлялась в отдельную гостиную, следом за ней шагала

пара седоволосых мужчин, обликом напоминавших многолетние дубы. На плечах Кадсуане тоже красовалась шаль - белая эмблема Пламени Тар Валона сияла на спине. Кто из троих? Это могла быть любая. Кадсуане могла искать себе еще одного Стража - кажется. Зеленые всегда высматривают себе новых Стражей. Морейн не знала, есть ли Стражи у Мериан и у Ларелле. Насупленный же вид незнакомца можно объяснить: например, ему сказали, что он не подходит в Стражи. Найдется сотня возможных причин, потому Морейн выбросила мужчину из головы. И без того опасностей хватает, к чему выдумывать новые?

Не успела Морейн пройти и трех шагов по общему залу, как появившийся будто из-под земли мастер Хэлвин - смахивающий на бочонок лысый толстяк в фартуке в зеленую полоску - преподнес еще один неприятный сюрприз. У него в гостинице остановились еще три Айз Седай, и потому он вынужден потеснить своих постояльцев. Несомненно, в таких обстоятельствах леди Эмис не будет возражать против соседки? Госпожа Палан весьма приятная женщина.

В голосе Хэйзел Палан, торговки коврами из Муранди, явственно слышался говор Лугарда. И когда Морейн переступила порог комнатухи, что совсем недавно принадлежала ей одной, то через пару минут она поняла, что госпожой Палан она сыта по горло. Одежда Морейн перекочевала из шкафа на настенные крючки, а на умывальнике вместо ее гребешка и щетки лежали гребень и щетка госпожи Палан. Эта толстуха могла бы робеть перед "леди Эмис", но с какой стати тушеваться перед дичком, о которой все говорят, что утром она отказалась стать послушницей в Белой Башне. Она прочитала Морейн целую лекцию об обязанностях послушниц - причем все переврала. До обеда она не отходила от Морейн ни на шаг, а потом собрала вокруг стола знакомых купчих, и каждая горела желанием поведать той все, что им известно о Белой Башне. Хотя ни одна не знала ровным счетом ничего, это не мешало товаркам Палан делиться уймой подробностей. Морейн надеялась отделаться от обременительной компании, пораньше отправившись спать, однако едва она успела снять платье, как появилась госпожа Палан, и болтала она, пока не заснула.

Ночь выдалась беспокойная. Кровать была узкой, а локти Хэйзел Палан - острыми и ноги - холодными, хоть одеяла были толстыми и под кроватью стояла маленькая печка. Собиравшаяся весь день гроза наконец-то разразилась ливнем, и ветер, под аккомпанемент грома, несколько часов гроыхал ставнями. Морейн сомневалась, что вообще сумеет уснуть - сон отгоняли мысли о Приспешниках Темного и Черных Айя. Ее мысленному взору представляли картины, как спящую Тамру стаскивают с кровати и куда-то волокут по полу, как женщины, владеющие Силой, подвергают ее пыткам. Иногда в лицах этих женщин угадывались черты Мериан, Кадсуане, Ларелле, иногда - других известных Морейн сестер. А иногда вместо лица Тамры она видела свое лицо.

Когда в серых утренних сумерках со скрипом медленно отворилась дверь, Морейн мгновенно обняла Источник. Ее наполнил саидар - до того порога, где радость и восторг переходят в боль. Не очень много Силы - через год она заметно прибавит, а через пять будет намного сильнее, но зачерпни еще на волосок больше, и либо ее способность направлять будет выжжена навсегда, либо она просто погибнет. Первое ничем не лучше второго, но Морейн хотелось зачерпнуть еще, и вовсе не потому, что Сила всегда пробуждала подобное желание.

Кадсуане просунула голову в комнату. Морейн совсем позабыла и об ее обещании, и об ее угрозе. Несомненно, Кадсуане заметила свечение и ощутила, сколько Силы зачерпнула Морейн. Но, обронив лишь: "Глупая девчонка!", Айз Седай сразу ушла.

Медленно Морейн сосчитала до ста, потом выпростала ноги из-под одеял. К чему тянуть, можно и сейчас. Госпожа Палан перевернулась на бок и захрапела. Направив Огонь, Морейн зажгла лампу и торопливо оделась. На сей раз - платье для верховой езды. Без всякого желания она решила оставить седельные сумки и все те вещи, без которых могла обойтись. Любой, кто ее

увидит, ничего особенного не подумает, хоть и час еще ранний, но коли она попадет на глаза с седельными сумками на плече... А много ли уложишь во внутренние карманы плаща? Ну, сорочку на смену, пару запасных чулок... Когда Мореин затворила за собой дверь, госпожа Палан продолжала похрапывать.

Небо только начало сереть, и тощий ночной конюх вздрогнул и изумленно уставился на Мореин, но серебряный пенни заставил его встрепенуться и кинуться седлать гнедую кобылу постоялицы. Мореин было жаль бросать свою вьючную лошадку, но даже "взбалмошной леди" - она краем уха уловила бормотание конюха - не взбредет в голову брать на утреннюю прогулку вьючную лошадь. Взобравшись в седло Стрелы, Мореин вместо второго пенни одарила парня холодной улыбкой и медленно выехала на промозглые пустынные улицы. Просто на прогулку, пусть и на раннюю. День обещал быть погожим. Дождь кончился, а легкий ветерок уже разгонял тучи.

На улицах и в переулках ярко горели фонари, но среди слабых теней людей почти не было, только мерно вышагивали патрули Ночной Стражи и вооруженные Фонарщики совершали обход, проверяя, не погасли ли где лампы. Поразительно, как люди живут в такой близости Запустения, что Мурддраал способен шагнуть из любой густой тени? Но в Пограничных Землях люди по ночам из домов стараются не выходить.

Потому-то Мореин и удивилась, обнаружив, что она не первая у западных ворот. Трое очень высоких мужчин, с вьючной лошадкой, привязанной позади трех верховых. Придержав поводья Стрелы, Мореин остановилась поодаль от них. Эта троица то и дело поглядывала на запертые ворота, перебрасываясь изредка словечком-другим со стражниками. На Мореин они лишь раз посмотрели. В свете фонарей она отчетливо видела их лица. Седой мужчина в летах и юноша с суровым лицом носили на голове плетеные кожаные ленты. Малкири? Мореин вроде бы помнила, что означает эта повязка. Третьим оказался арафелец с колокольчиками в косичках - тот самый, кого она видела выходящим из "Небесных врат".

К тому времени, когда ярко вспыхнул краешек восходящего солнца и створки наконец распахнулись, у ворот уже выстроилось несколько купеческих обозов. Первыми из города выехали те трое мужчин, но Мореин пропустила караван из дюжины запряженных восьмерками лошадей фургонов и лишь вслед за громахющими колымагами миновала мост и двинулась по дороге меж холмов. Тем не менее из виду ту троицу она не теряла - в конце концов, направлялись они в ту же сторону, что и сама Мореин.

Ехали они быстро - видно, всадники были опытные и почти не пользовались поводьями, но этот темп устраивал Мореин. Чем дальше от Кадсуане, тем лучше. Купеческие фургоны давно исчезли из виду, когда незадолго до полудня показалась первая деревня - крохотную гостиницу на лесистом склоне холма обступал десяток каменных домов с черепичными крышами. Мореин задержалась здесь ненадолго, расспросила, не знает ли кто женщину по имени Авинэ Сахира. Никто о ней не слыхал, и она галопом поскакала дальше, придерживая кобылу, лишь когда впереди на дороге заметила трех всадников, ехавших прежним размеренным аллюром. Возможно, кроме имени сестры, с которой говорил арафелец, они ничего не знают, но Мореин пригодится любая мелочь, касающаяся Кадсуане или двух других Айз Седай.

Как бы лучше обратиться к ним? Поразмыслив немного, Мореин отвергла все придуманные планы. От троих мужчин, встретивших на глухой лесной дороге одинокую молодую женщину, можно всего ожидать, особенно если они именно те, кого боялась Мореин. Если дело обернется совсем худо, то справиться с ними труда не составит, но она хотела избежать такого оборота. На лесных прогалинах появлялись редкие фермы - и снова прятались за густыми перелесками. Паривший в выси орел превратился в неясное пятно на фоне клонящегося к закату солнца.

В конце концов, когда на дорогу впереди легла ее длинная тень, Морейн решила на время забыть о всадниках и поискать место для ночлега. Если повезет, вскоре встретится какая-нибудь ферма, а за пару серебряных монет если и не на перину уложат, то на сеновал пустят.

Всадники впереди остановились, коротко посоветовались, потом один взял повод выючной лошади и свернул в лес. Оставшиеся, пришпорив своих коней, погнались галопом.

Морейн проводила их взглядом. Одним из усакавших был арафелец, но он вполне мог сказать спутнику о своей встрече с Айз Седай. А если действовать осмотрительно, то с одним мужчиной хлопот будет явно меньше, чем с тремя. Подъехав туда, где всадник и выючная лошадь скрылись в лесу, Морейн спешила.

Обычно на охоте добычу для леди отслеживают егеря и ловчие, но Морейн заинтересовалась следопытством еще в те годы, когда ей одинаково интересно было и лазать по деревьям, и заявляться домой перемазанной с головы до пят в землю и глине. Обломанные веточки и взбитая прошлогодняя листва оставили след, который без труда отыскал бы и младенец. Сотня шагов в лес, и сквозь деревья она разглядела в низинке пруд. Тот малый уже расседлал и стреножил гнедого коня - кстати, прекрасное животное, - и выючное седло лежало на земле. Это оказался младший из Малкири. Вблизи он казался еще внушительней. Сняв пояс с мечом, он сел лицом к пруду, положив меч перед собой, ладони опустил на колени. Он глядел как будто куда-то вдаль, поверх воды, мерцавшей между вечерними тенями. Он не шевелился, словно замерев.

Морейн задумалась. Очевидно, его оставили разбить лагерь. Спутники его скоро вернутся. Но долго ли задать пару вопросов? А если его чуток вывести из себя - скажем, прямо перед собой он вдруг увидит женщину, - то он ответит, не успев и задуматься. Намотав уздечку Стрелы на низкую ветку, Морейн подобрала плащ и юбки и как можно тише двинулась вперед. Она взошла на кстати подвернувшийся позади мужчины небольшой бугорок - прибавить немного росту не помешает. Он-то очень высокий. И неплохо, если она предстанет перед ним с ножом в одной руке, а его меч будет у нее в другой. Направив Силу, Морейн потянула к себе ножны с мечом. Чтобы как можно больше потрясти его воображение...

Он действовал стремительно, такого она не ожидала. Едва ее пальцы сомкнулись на ножнах, как он вскочил на ноги, развернулся, одной рукой схватил ножны, а другой - сгреб в горсть перед ее платья. Морейн даже подумать не успела о том, чтобы направить Силу, как ноги ее оторвались от земли и она куда-то полетела. Ей еще хватило времени увидеть приближающуюся гладь пруда, нечленораздельно что-то закричать, и крик разом оборвался, когда, подняв тучу брызг, Морейн шумно шлепнулась в воду. Вода была обжигающе холодна! От потрясения она отпустила саидар.

Отплевываясь, Морейн кое-как встала на ноги - по пояс в ледяной воде, влажные волосы залепили лицо, мокрый плащ тяжело обвис на плечах. Обуреваемая гневом, она резко повернулась лицом к обидчику, в ярости вновь обняла Источник. Испытание на шаль требовало от претендентки умения направлять Силу, сохраняя абсолютное спокойствие в самых сложных условиях, не чета этому нежданному купанию. Она повернулась, готовая уложить нахала на землю и отколошматить, пока тот не заверещит!

Он стоял и качал головой, рассматривая бугор, на котором совсем недавно стояла Морейн - в добром шаге от того места, где сидел несколько мгновений назад. Когда же он наконец соизволил заметить ее, то подошел и протянул Морейн руку.

- Не очень мудро с вашей стороны пытаться отнять у мужчины меч, - сказал он и, коротко глянув на цветные полосы на ее платье, добавил: - Миледи.

На извинение эти слова походили мало, и он старательно отводил в сторону свои поразительно голубые глаза. Если ему вздумалось смеяться!..

Ворча под нос, Морейн неуклюже прошлепала к нему, взялась обеими руками за его протянутую руку... и со всей силы дернула на себя. Крайне трудно не замечать текущую по спине ледяную воду, и коль она промокла, не худо бы, чтобы и ему тоже досталось, и для этого не обязательно воспользоваться...

Он выпрямился и одним движением вытянул из воды повисшую на его руке Морейн. Она в немом изумлении смотрела на него, пока ее ноги не коснулись земли и он не сделал пару шагов назад.

- Я разведу костер и повешу одеяла, чтобы вы могли обсушиться, - промолвил он, по-прежнему стараясь не встречаться с ней взглядом.

Слова с делом у него не разошлись, и к возвращению двух его спутников Морейн стояла возле небольшого костерка, со всех сторон завешанного извлеченными из седельных выюков одеялами. Ей, разумеется, все это было ни к чему. Надлежащим плетением Воды она до последней капли высушила и волосы, и одежду. Хорошо, что он этого не видел. А тепло от костра ей тоже не помешает. Так или иначе, Морейн намеревалась оставаться за одеялами - пусть он думает, что огонь ей нужен, чтобы обсохнуть. И, разумеется, саидар она не отпускала.

Из-за деревьев появились двое других мужчин, их интересовало одно - свернула ли "она" в лес следом за ними. Откуда они узнали? В такие времена люди остерегаются разбойников - возможно, и эти заметили одинокую женщину и решили, что она следит за ними? Это подозрительно.

- Кайриэнка, да, Лан? Думаю, кайриэнок в чем мама родила ты повидал! А я - нет.

Эта фраза зацепила ухо Морейн, и до слуха ее, обостренного Силой, донесся и другой звук. Шорох стали по коже. Так меч выходит из ножен. Приготовив несколько плетений, которыми можно остановить всех троих, Морейн выглянула в щелку между одеялами.

К ее изумлению, мужчина, искупавший ее - надо полагать, упомянутый Лан, - стоял спиной к висящим на ветвях одеялам. Именно в его руках был меч. Арафелец, что стоял напротив него, выглядел удивленным.

- Ты не забыл, как выглядит Тысяча Озер, Рин, - холодно произнес Лан. - Неужели нужно оберегать женщину от твоего нескромного взгляда?

На мгновение ей показалось, что Рина не остановит обнаженный меч в руке Лана, но мужчина постарше, седой и явно многое в жизни испытывший, уладил дело. Он отвел обоих в сторонку, говоря что-то о какой-то игре под названием "семерки". Судя по всему, весьма необычная игра. Лан с Рином повернулись лицом друг к другу и сели на землю скрестив ноги, оружие обоих было в ножнах; потом, без всякого предупреждения, мелькнули обнаженные клинки, застыв на волосок от горла противника. Старший мужчина указал на Рина, те двое опять спрятали мечи в ножны, и все повторилось вновь. Пока Морейн смотрела, так и продолжалось. Возможно, Рин был не настолько самоуверен, каким казался.

Выжидая за одеялами, она припомнила, что ей известно о стране с названием Малкир. За исключением истории, известно было немного. Рину напомнили о Тысяче Озер, значит, он тоже из народа Малкири. И еще что-то о том, что недостойно докучать женщинам. Ну, раз она уже с ними, ничто не мешает ей оставаться с ними и выведать все, что нужно.

Когда Морейн вышла из-за одеял, она уже решила, как себя держать.

- Я объявляю о своем праве одинокой женщины, - церемонно обратилась она ко всем троим. - Я направляюсь в Чачин и прошу защиты ваших мечей. - С этими словами Морейн вложила каждому

в ладонь по серебряной монете. Она не была до конца уверена в этом нелепом "праве женщины", но серебро отвлечет их внимание. - И еще по две я заплачу в Чачине.

Отреагировали мужчины не совсем так, как ожидала Морейн. Рин принялся вертеть в руке и разглядывать монету. Лан, бросив короткий взгляд на свою, хмыкнул и засунул ее в карман. И тут до Морейн дошло, что она дала им три из немногих оставшихся у нее тарвалонских марок, но ведь серебро, отчеканенное в Тар Валоне, ходит по всему миру, как и монеты любой другой страны.

Седой мужчина, которого звали Букама, поклонился Морейн, левую ладонь положив на колено.

- Честь служить вам, миледи, - сказал он. - До Чачина - мой меч в вашей власти.

Глаза у него тоже были голубые, и он тоже старался не встречаться взглядом с Морейн. Она понадеялась, что он не Приспешник Темного.

Вызвать же что-нибудь оказалось нелегко. Просто невозможно. Сначала мужчины разбивали лагерь, потом возились с лошадьми, разжигали большой костер. Видимо, им не хотелось без хорошего костра встречать ночь новой весны. За скромным ужином Букама с Ланом едва перемолвились словом-другим. Морейн же набросилась на дорожный хлеб и вяленое мясо, стараясь скрыть свой волчий голод, - ведь за весь день у нее во рту и крошки не было. Рин был даже мил, а когда улыбался, на щеках у него появлялись ямочки, но болтал он без умолку, и Морейн не подвернулось возможности упомянуть ни о "Небесных вратах", ни об Айз Седай. Когда же она наконец ухитрилась хотя бы спросить, зачем он едет в Чачин, Рин погрузился.

- Где-то же суждено человеку умереть, - тихо произнес он и, забрав свои одеяла, ушел устраиваться на ночлег.

Первым караулить взялся Лан. Он уселся, скрестив ноги, рядом с Рином, и когда Букама, потушив костер, расстелил свои одеяла возле Лана, Морейн сплела вокруг каждого из троих малого стража из Духа. Потоки Духа она могла удерживать и во сне, и если кто-то из ее спутников ночью двинется с места, малый страж разбудит ее незаметно для них. Это означало, она будет просыпаться всякий раз, как они будут сменяться на часах, но тут уж ничего не попишешь. Одеяла Морейн лежали в стороне, и когда она укладывалась, Букама что-то проворчал. Его слов Морейн не слышала, но ответ Лана долетел до ее ушей.

- Я скорей Айз Седай доверюсь, Букама. Спи и не тревожься.

Пламя гнева, которое Морейн старательно гасила в себе, вспыхнуло вновь. Он швырнул ее в ледяной пруд и не извинился! И он еще... Она направила Силу, сплетя вместе Воздух и Воду, прибавив и чуток Земли. Толстый столб воды поднялся над прудом, вытягиваясь вверх и сверкая в лунном сиянии, выгнулся аркой. И обрушился на глупца, посмевшего распускать свой язык!

Букама и Рин, кляня все на свете, вскочили на ноги, но Морейн не успокоилась, пока не досчитала до десяти, и лишь тогда остановила поток. Высвобожденная вода расплескалась по лагерю. Морейн ожидала увидеть мокрого, полужамерзшего мужчину, которому требуется преподать урок. Действительно, он промок до нитки, рядом на земле бились рыбки. Но он стоял на ногах. И в руке его сверкал обнаженный меч.

- Исчадья Тени? - не веря своим словам, воскликнул Рин, а Лан громко ответил:

- Возможно! Защищай женщину, Рин! Букама, возьми запад, восток - мой!

- Нет, это не Исчадия Тени! - остановила Морейн мужчин. Они изумленно уставились на нее. Жаль, что в лунном свете ей плохо видно выражение их лиц, но неверные тени облаков в подспорье - прибавят ей таинственности. Морейн постаралась придать своему голосу как можно

больше холодного спокойствия Айз Седай. - Мастер Лан, крайне неразумно выказывать к Айз Седай нечто иное, чем уважение.

- Айз Седай? - прошептал Рин. Несмотря на сумрак, на его лице ясно читалось благоговение. Или же то был страх?

Больше никто не промолвил ни слова, лишь Букама с ворчанием перенес свою постель подальше от размокшей земли. Рин с четверть часа молча перетаскивал свои одеяла, мелко кланяясь всякий раз, стоило Морейн повернуть голову в его сторону. Лан, тот и не пытался обсохнуть. Он начал было подыскивать себе другое место, но потом сел там же, где и сидел прежде, прямо в грязную лужу. Морейн сочла бы это знаком покорности, если бы не взгляд Лана, брошенный на нее, - на сей раз он почти встретился с ней глазами. Если это называется покорностью, то людей смиреннее королей на земле не сыщешь.

Морейн не забыла вновь сплести вокруг мужчин малых стражей. Что, вообще говоря, после раскрытия своего звания было просто необходимо. Но уснула она не сразу - нужно было о многом подумать. Первое - ни один из троих не поинтересовался, почему она ехала за ними. И он успел встать! Когда же Морейн сморил сон, размышляла она, как ни странно, о Рине. Какая жалость, что Рин ее боится. Он обаятелен, и она ничего против него не имеет. Лишь бы другим не болтал о своем желании увидеть ее без одежды, Лан понимал, что эта поездка в Чачин будет из тех, которые ни за что не забудешь, и подозрения оправдались. Дважды налетала гроза, холодные струи хлестали вперемешку с ледяной крупой, и это еще было не самое худшее. Букама сердился, потому что Лан отказался дать положенную клятву этой коротышке, объявившей себя Айз Седай, но Букама понимал, в чем причина, и не настаивал. Просто ворчал всякий раз, когда Лан оказывался поблизости: мол, Айз Седай она или нет, приличный человек должен вести себя подобающим образом. Можно подумать, он не разделял соображений Лана. Рин сидел как на иголках, смотрел на нее круглыми глазами, то суетился, то принимался шутить и сыпать комплиментами вроде "кожа как белоснежный шелк" и "глубокие омуты ее глаз" - словно льстивый придворный, увивающийся за дамой. В общем, вел себя так, будто не мог решить, то ли он очарован, то ли испуган, вот и метался между двумя крайностями, что не укрылось от ее глаз. Ничего хорошего в этом не было, но Рин прав: кайриэнок Лан повидал и в одежде, и без, и каждая пыталась втянуть его в какую-нибудь интригу, вовлечь в заговор, а то и не в один. Как-то он провел десять особенно незабываемых дней на юге Кайриэна, и его тогда раз шесть едва не убили и дважды чуть не женили. Кайриэнка и впридачу Айз Седай! Хуже не придумаешь!

Назвалась она Элис, и в том, что имя это настоящее, Лан сомневался не меньше, чем в кольце Великого Змея, которое она продемонстрировала, тем паче что потом вновь запрятала кольцо в свой поясной кошель со словами, что никто не должен знать, что она Айз Седай. И характер у этой особы еще тот... Обычно Лану было все равно, вспылчив человек или, наоборот, холоден с ним, будь то мужчина или женщина. Но у этой Элис сердце точно кусок льда. В первую ночь он сел в лужу в знак того, что осознает свою вину. Раз уж им продолжать путь вместе, лучше все раздоры закончить сейчас же и с честью. Пусть видит, что он готов примириться. Только вот она об этом и думать не желала.

Ехали они быстро, в деревнях надолго не задерживались и ночевали больше под звездами - заплатить за ночлег в гостинице никто из путников не мог, тем более за четверых, да еще с лошадьми. Лан спал, когда получалось, да и то урывками. Всю вторую ночь она сама не сомкнула глаз до рассвета и ему не дала. Стоило Лану клюнуть носом, как на него обрушивались резкие удары розог. На третью ночь в его одежду и в сапоги каким-то неведомым образом густо набился песок. Что сумел, Лан вытряс, но потом весь день песчинки скрипели на зубах и царапали кожу. А на четвертую ночь... Он никак не мог понять, как она сумела напустить ему под белье муравьев и как ей удалось заставить их всех кусать его разом. Нет сомнений, все это ее рук дело. Когда он

открыл глаза, она стояла над ним и, кажется, удивилась, что он не закричал. Понятно, она ожидала от него чего-то, какой-то реакции, но он не понимал, чего именно. Наверняка не обещания защиты. Хватило бы и клятвы Букамы, да и кроме того, она дала им денег. Она, видно, не понимала, что предложение заплатить все равно что оскорбление.

Когда они впервые заметили ее позади своего маленького отряда - она обогнала купеческий караван, сопровождаемый охраной, - Букама высказал предположение, с какой стати одинокая женщина едет за тремя мужчинами. Если шестеро вооруженных мужчин днем не сумели убить одного, то, наверное, на это способна одна женщина под покровом ночного мрака. Разумеется, об Эдейн Букама и словом не обмолвился. По правде говоря, его предположение не оправдалось, потому что тогда Лан был бы мертвым, а не мокрым или искусанным муравьями; но Элис не удосужилась объяснить погоню, сколько Букама ни ждал от нее объяснений. Эдейн могла подослать женщину с поручением следить за Ланом, решив, что с ней он будет более безопасен. Поэтому Лан не спускал глаз с Элис. Но ничего подозрительного Лан за ней не замечал, разве что одно, да и то с натяжкой: когда их отряд проезжал через деревни, Элис принималась о чем-то расспрашивать местных жителей, причем держалась подальше от Лана и его товарищей и умолкала, когда они оказывались поблизости. Впрочем, в двух днях пути от Чачина она прекратила расспросы. Возможно, узнала, что хотела, на рынке в деревне под названием Равинда, но даже если и так, то радости Элис не испытывала. Вечером того дня она обнаружила возле лагеря куст волдырника, и Лан, к своему стыду, едва не потерял терпение.

Если Канлуум именовали порой городом в холмах, то Чачин можно было назвать городом в горах. Три самых высоких, пусть и со срезанными вершинами, пика возносились почти на милю, и в лучах солнца сверкали многоцветные черепичные крыши и выложенные изразцами стены дворцов. А на самом высоком пике выше всех зданий красовался Дворец Айздайшар, и над самым большим куполом над алозелеными стенами гордо реял стяг со вставшим на дыбы Красным Конем. Город окружали три кольцевых вала, перед каждым - ров шириной в сотню шагов, переброшенную через рвы дюжину мостов сторожили массивные башни. Движение по мостам было не в пример Канлууму оживленнее, в ворота и из ворот текли людские потоки и тянулись вереницы повозок, и поскольку Запустение отстояло от города гораздо дальше, то стражники в плащах с Красным Конем оказались куда менее придирчивыми, чем в Канлууме. Однако прошло еще немало времени, пока четверо путников пересекли Мост Восхода.

Едва миновав городские ворота, Лан сразу же потянул поводья.

- Вот мы и в стенах Чачина, - сказал он спутнице. - Обещание исполнено. Деньги оставьте себе, - прибавил Лан, когда она потянулась за кошельком.

Рин тут же напустился на него, мол, негоже так разговаривать с Айз Седай, начал с виноватой улыбкой извиняться перед ней, а Букама глухо заворчал, что у некоторых людей манеры просто-таки свинские. Женщина воззрилась на Лана с ничего не выражающим лицом; может, она и в самом деле та, за кого себя выдает? Если такое заявление - неправда, то она многим рискует. А если правда, то...

Развернув Дикого Кота, Лан галопом поскакал по улице, взбирающейся на гору; испуганные прохожие, как и кое-кто из верховых, шарахались в стороны. Букама и Рин нагнали Лана, когда он одолел уже полпути к Айздайшарскому дворцу. Если Эдейн в Чачине, то она там. Букама и Рин хранили молчание - весьма мудро с их стороны.

На плоской вершине, полностью заняв площадь гайдов в пятьдесят, раскинулась сверкающая громада куполов, галерей и переходов, напоминая небольшой городок. Украшенные эмблемой Красного Коня огромные бронзовые ворота под красной аркой были распахнуты, и когда Лан назвал себя - Лан Мандрагоран, а не ал'Лан, - стоявшие в суровой неподвижности стражники с

улыбками поклонились. Прибежали слуги в красно-зеленых ливреях, приняли поводья лошадей и проводили каждого гостя в подходящие его положению апартаменты. Букаме и Рину предоставили по небольшой комнате на верхнем этаже одной из казарм. Лану же отвели три комнаты, стены которых были обиты шелком и украшены гобеленами; окна спальни выходили во внутренний дворцовый садик. В распоряжении Лана также оказались две широколицых горничных и долговязый паренек на посылках.

Несколько ненавязчивых вопросов слугам, и ситуация прояснилась. Королева Этениелле совершала поездку в глубь страны, но Брис, Принц-Консорт, находился в резиденции. Как и леди Эдейн Аррел. Упомянув о последней, женщины улыбнулись: они знали, каким будет его первое желание.

Умылся Лан сам, но одели его горничные. Незачем обижать их из-за того, что они слуги. У Лана была с собой одна белая шелковая рубашка, с виду не очень ношенная, и вполне приличная черная шелковая куртка; на ее рукавах золотилась вышивка - розы-крававки, окруженные крючковатыми шипами. Розы-крававки - в напоминание об утрате. Потом Лан выпроводил женщин в коридор сторожить его дверь, а сам уселся и стал ждать. С Эдейн он должен встретиться на людях, причем чем больше их будет рядом, тем лучше.

Она посылала за ним, звала к себе в апартаменты. На приглашение Лан не ответил. Учтливое обхождение с гостем требовало дать ему время отдохнуть с дороги, но, как показалось Лану, прошло немало времени, прежде чем его позвал Брис. С приглашением явилась шатайян, седая, величественная, словно королева, женщина - она распоряжалась всеми дворцовыми слугами, и Лану оказывали честь, поручив ей лично проводить его. К тому же без провожатого любой гость мог запросто заблудиться во дворце. Меч Лан оставил на лакированной стойке возле двери. От оружия не будет никакого толку, кроме того, он нанесет оскорбление Брису, появившись перед ним с мечом.

Лан предполагал, что предстоящая встреча с Брисом будет носить частный характер, однако шатайян ввела гостя в колонный зал, полный людей. В толпе неслышно сновали слуги, разносившие вино с пряностями. Они предлагали кубки кандорским лордам и леди, красовавшимся в шелковых одеждах с вышитыми эмблемами Домов, и выборным от наиболее влиятельных гильдий - судя по цеховым эмблемам на их одеждах из тонко выделанной шерсти. Впрочем, были тут и другие. Лан заметил нескольких мужчин с хадори, которые они не надевали по меньшей мере лет десять - это Лан знал наверняка. У женщин с коротко - до плеч и выше - подрезанными волосами Лан разглядел нанесенные на лоб круглые пятнышки ки'сайн. Завидев Лана, они склонялись в поклонах и глубоких реверансах - все эти мужчины и женщины, которые решили вспомнить о Малкире.

Взглянув на принца Бриса, коренастого, словно вытесанного из скалы мужчину средних лет, можно было сказать, что доспехи смотрелись бы на нем естественней, чем шелковые зеленые одежды, однако принц был привычен и к тому, и к другому. Брис носил титул Носящего Меч при королеве Этениелле, командовал ее армией и был ее консортом. Принц приобнял Лана за плечи, не дав ему поклониться.

- Нет-нет, Лан! Человек, дважды спасавший мне жизнь в Запустении, не должен кланяться, - засмеялся Брис. - Кроме того, ты, по-видимому, поделился своим везением с Дайриком. Этим утром он свалился с балкона, а это добрых пятьдесят футов, и ухитрился ничего не сломать. - Принц коротко взмахнул рукой, и вперед выступил его второй сын, красивый темноглазый мальчик лет восьми, в такой же куртке, как у отца. Сбоку на голове мальчика виднелся крупный кровоподтек, и двигался Дайрик немного скованно - явно сказывались и другие ушибы, - но он учтиво поклонился, чуточку подпортив церемонность широкой ухмылкой.

- Ему бы сейчас уроки учить, - сообщил Брис, - но он так хотел с тобой встретиться, что совсем позабыл о своих занятиях. Даже о собственный меч порезался.

Насупившись, Дайрик стал возражать, что такого с ним никогда не бывало.

На приветствие мальчика Лан ответил с не меньшей учтивостью, а затем ему пришлось выстоять под целым водопадом вопросов. Да, он сражался с айильцами, на юге и на шайнарских рубежах, но они такие же люди, хоть и смертельно опасны, и никак не десяти футов росту. И вуалями они лица закрывают, перед тем как устремиться на врага, но своих мертвых они не едят. Нет, Белая Башня высотой вовсе не с гору, хотя и выше любого здания, возведенного людьми, какие доводилось видеть Лану, выше даже Тирской Твердыни. Дай пареньку волю, он не отстал бы от Лана, пока не выпросил бы все и об Айил, и о чудесах и диковинах огромных городов на юге, таких как Тар Валон и Фар Мэддинг. Судя по всему, ему не верилось, что по размерам Чачин им обоим ничуть не уступает.

- Попозже Лорд Мандрагоран расскажет тебе обо всем, что пожелаешь, - сказал Брис сыну. - Ему здесь еще кое с кем нужно встретиться. Ступай к госпоже Ту вал и садись за книги.

Эдейн была такой же, какой ее помнил Лан. Пусть старше на десять лет, с поседевшими прядями на висках и новыми морщинками у глаз, но эти большие темные глаза захватили его. Ее ки 'сайн по-прежнему был белого вдовьего цвета, и ее волосы черными волнами ниспадали ниже талии. Эдейн облачилась в красное шелковое платье в доманийском стиле, облегающее и почти прозрачное. Она была прекрасна - и даже не пыталась этого скрывать.

Какое-то мгновение Эдейн просто смотрела на кланяющегося ей Лана, холодно и оценивающе.

- Было бы... проще, если бы ты пришел ко мне, - тихо произнесла она. Ее будто не волновало, что эти слова слышал Брис. А потом Эдейн грациозно опустилась на колени перед потрясенным Ланом и взяла его ладони в свои. - Именем Света, - громким чистым голосом заговорила она, - я, Эдейн ти Гемаллен Аррел, клянусь в верности ал'Лану Мандрагорану. Лорду Семи Башен, Лорду Озерному, истинному Клинку Малкир. Да рассечет он Тень!

Даже Брис выглядел ошеломленным. В оглушительной тишине Эдейн поцеловала пальцы Лана, затем со всех сторон раздались приветственные кличи. Кричали "Золотой Журавль!" и даже "Кандор вместе с Малкир!".

От криков Лан очнулся, высвободил руки и поднял Эдейн на ноги.

- Миледи... - начал он срывающимся голосом.

- Пусть свершится то, что должно, - промолвила она, приложив ладонь ему к губам. А затем растворилась среди тех, кто радостно кинулся к Лану с поздравлениями - тех, кто, позволь им Лан, готов был немедленно принести ему клятву верности.

Лана выручил Брис. Взяв его за локоть, принц увлек Лана на длинную, обрамленную каменными перилами галерею. Внизу, сотнях в двух футов, виднелись городские крыши. На эту галерею Брис удалялся, когда хотел уединиться или побеседовать с кем-то с глазу на глаз, всем это было известно, и поэтому никто не осмелился идти следом. На галерею вела одна-единственная дверь, окна сюда не выходили, и из дворца не доносилось ни звука,

- Что ты будешь делать? - без околичностей спросил Брис.

- Не знаю, - ответил Лан. Она выиграла поединок, но легкость одержанной ею победы оглушила его. Грозный противник - женщина, которая носит в прическе частицу твоей души.

Потом Брис с Ланом негромко поговорили об охоте, о разбойниках, о том, скоро ли сменится затишьем прошлогодняя вспышка активности Запустения. Брис высказал сожаление, что вынужден был отвести свою армию и потому не принял участие в войне с Айил, но другого выхода не было. Они обсудили также расплывшиеся слухи о том, что появился некий мужчина, способный направлять Силу, причем, где именно он находится, рассказывали разное. Брис считал, что все это - досужие басни, еще один болотный огонек, и Лан с ним согласился. Еще молва твердила, что ныне повсюду встречаются Айз Седай, а что тому причиной, никто не знает. В своем письме Брису Этениелле сообщила, ' что в одной деревне, которую она миновала на своем пути, две сестры поймали женщину, выдававшую себя за Айз Седай. Она могла направлять, но ничего это ей не дало. Две настоящие Айз Седай плетками прогнали ее через всю деревню, заставив признаться в своем преступлении всем жившим там мужчинам и женщинам. Потом одна из сестер увезла обманщицу в Тар Валон, где ее и ждет настоящее наказание - что бы последнее ни значило. Если Элис соврала, назвавшись Айз Седай, то ей придется несладко.

Лан еще тешил себя надеждой, что до конца дня ему удастся избежать встречи с леди Эдейн, но, когда гостя проводили в его апартаменты, она уже была там - сидела на позолоченном стуле, устало откинувшись на спинку. Слуг Лан не заметил.

- Боюсь, сладкий мой, красавцем тебя уже не назовешь, - сказала она вошедшему Лану. - Думаю, с годами ты станешь даже уродливей. Но больше, чем твое лицо, мне всегда нравились твои глаза. И твои руки.

Лан стоял у порога, так и не отпустив дверную ручку.

- Миледи, и двух часов не прошло, как вы клялись... Она перебила его.

- И я послушна моему королю. Но и король - не король, оставшись наедине со своей карнейрой. Я принесла твой даори. Подай его мне.

Невольно он посмотрел, куда она указала, - на столике возле двери стояла плоская лакированная шкатулка. Крышку он приподнял так, будто весила она с добрый булыжник. Внутри, свернутый кольцами, лежал плетеный волосяной шнурок. Лан до мельчайших подробностей помнил утро после их первой ночи, когда она привела его на женскую половину Королевского дворца в Фал Моране и на глазах придворных дам и служанок обрезала его волосы по плечи. Она даже объяснила всем, что сие означает. Все женщины были заинтригованы и принялись шутить, когда он сел у ног Эдейн и начал плести для нее даори. Да, Эдейн блюла древние обычаи, но на свой манер. Волосы на ощупь были мягкими и гладкими, должно быть, она каждый день смазывала их бальзамом.

Медленно подойдя к Эдейн, Лан опустился перед ней на колени и, держа даори двумя руками, протянул ей.

- В знак того, чем я обязан тебе, Эдейн, всегда и навеки. - Если в его голосе и не слышалось трепета того первого утра, она вряд ли удивится.

Она не приняла шнур. Вместо этого принялась рассматривать Лана.

- Я знала, что даже за столь долгое отсутствие ты не забудешь наших обычаев, - наконец промолвила Эдейн. - Идем.

Поднявшись, она схватила его за запястье и увлекла за собой к окнам. Окна отстояли от земли локтей на двадцать и выходили в сад. Двое слуг поливали сад водой из ведер; по дорожке из сланцевых плит шла молодая женщина в голубом платье, таком же ярком, что и ранние цветы, распустившиеся возле деревьев.

- Это моя дочь, Изелле. - На миг голосу Эдейн придали теплоту материнская гордость и любовь. - Помнишь ее? Теперь ей семнадцать. И она еще не нашла себе карнейру. - Молодых мужчин выбирали их будущие карнейры, и таким же правом обладали и молодые женщины. - Но, по моему, ей все равно пора замуж.

Лан смутно припомнил ребенка-непоседу, за которым было не угнаться слугам, отраду материнского сердца, но мысли его в те времена были заняты лишь одной Эдейн.

- Красотой она похожа на мать, - вежливо заметил Лан, вертя в руках даори. Пока этот волосяной шнурок у него, преимущество на ее стороне, но она должна забрать у него даори. - Эдейн, нам нужно поговорить.

Она не обратила на его слова никакого внимания.

- Да и тебе, сладкий мой, пора жениться. И раз уж никого из твоих родственниц нет в живых, значит, этим придется заняться мне.

Лан от удивления открыл рот, поняв, к чему клонит Эдейн. Поначалу он не поверил своей догадке.

- Изелле? - охрипшим голосом произнес он. - Твоя дочь? - Она держалась обычаев по-своему, но это предложение было просто вызывающе. - Никакой уздой, Эдейн, меня не втянуть в это постыдное дело. Никому, и тебе тоже! И это вот не поможет!

Он потряс перед ней даори, но Эдейн лишь взглянула на шнурок и улыбнулась.

- Конечно, сладкий мой, никто тебя ни во что не втянет. Ты ведь мужчина, а не мальчик. Однако ты блюдешь обычаи, - проворковала она, проведя пальцем по волосяному шнурку, дрожащему в руках Лана. - Наверное, нам и в самом деле нужно поговорить.

Но увлекла она его лишь в постель.

Большую часть дня Морейн провела, обходя с осторожными расспросами гостиницы в пользующихся самой дурной славой кварталах Чачина, где ее шелковое дорожное платье притягивало взгляды как завсегдатаев таверн, так и самих трактирщиков. Какой-то жилистый малый, на чьем лице будто навсегда застыло плотоядное выражение, сказал ей, что его заведение не для нее, и предложил проводить в местечко поприличней. Круглолицая косоглазая женщина прокашляла, что "ночные работнички" этакую юную красотку без соли слопают, если она поскорей не уберется отсюда. Один добродушный с виду старик с румяными щеками и веселой улыбкой порывался угостить ее вином с пряностями - но Морейн не поручилась бы, что он туда чего-нибудь не подсыпал. Оставалось лишь стиснуть зубы и продолжать поиски. В подобные места любила заходить Суан, когда подруга-Принятых изредка отпускали гулять по Тар Валону, - в дешевые заведения, куда почти не заходили Айз Седай, но ни в одном из них не останавливалась голубоглазая тайренка. Холодный день клонился к закату, грозя смениться еще одной ледяной ночью.

Тени становились длиннее. Морейн вела Стрелу шагом, с подозрением косясь на шевелящиеся в переулке тени, и раздумывала, не хватит ли на сегодня расспросов, и тут к ней сзади подбежала Суан.

- Так и думала, что ты где-то здесь искать станешь, - сказала Суан, взяв подругу за локоть, и заставила ее ускорить шаг. - Идем, пока мы совсем не замерзли. - Она тоже бросила взор на тени в переулке и машинально потрогала висящий на поясе нож, как будто с помощью Силы не справилась бы с десятком злодеев. Правда, тогда пришлось бы обнаружить себя. Наверно, и в самом деле лучше поторопиться. - Эти кварталы не для тебя, Морейн. Проклятие, тут такой

народец! Съедят тебя и не подавятся, а ты и не сообразишь, что тебя уже потрошат. Ты что, смеешься или кашляешь?

Как оказалось, Суан остановилась в самой уважаемой гостинице под названием "Вечерняя звезда"; ее облюбовали купцы средней руки, особенно она пришлась по вкусу женщинам, которые не желали, чтобы их тревожили шум в общем зале или какая-нибудь драка. Парочка широкоплечих парней ясно давала понять, что ничего подобного здесь не потерпят. Комнатка Суан оказалась не слишком-то просторной, зато в ней было тепло, и худощавая хозяйка гостиницы, которая всем своим видом показывала, что шутить она не любит, не стала возражать против того, чтобы Мореин подселась к Суан. Лишь бы платили за двоих.

Пока Мореин вешала плащ на крючок, Суан уселась скрестив ноги на неширокую кровать. После Канлуума в нее будто новые силы вдохнули. Когда Суан имела перед собой цель, она всегда горела энтузиазмом.

- Ну и поездка была, Мореин. Эта дурацкая лошадь меня чуть не утомила, пока я сюда добиралась. Людям Создателем предназначено ходить пешком или на лодках плавать, а не трястись невесть на чем. Судя по тебе, та женщина, Сахира, - пустой номер, не то ты носилась бы точно нерестящаяся краснхвостка. Инее Демайн я нашла почти сразу, но мне до нее не добраться. Она недавно овдовела, но сын у нее точно есть. Назвала его Рахиен, потому что видела тогда встающую над Драконовой горой зарю. Так молва утверждает. Все говорят, что глупей причины дать ребенку такое имя не слышали.

- Сын Авинэ Сахиры родился на неделю раньше и в тридцати милях от Драконовой горы, - промолвила Мореин, когда Суан остановилась перевести дыхание. На мгновение Мореин охватила дрожь. Увидеть зарю над горой вовсе не значит, что ребенок родился на горе. В комнате не было ни стула, ни табурета - для них просто не нашлось бы места, - поэтому Мореин села в изножье кровати.

- Суан, если ты нашла Инее и ее сына, то почему тебе до них не добраться?

Выяснилось, что леди Инее живет во Дворце Айздайшар, куда Суан может попасть только как Айз Седай, а иначе - лишь нанявшись во дворец служанкой.

Дворец Айздайшар.

- Об этом подумаем утром, - вздохнула Мореин. Придется пойти на риск, но расспросить леди Инее надо обязательно. Ни одна из найденных Мореин женщин при рождении ребенка даже не видела Драконову гору. - А... Черные Айя ничем не проявляли себя? - Похоже, придется привыкнуть произносить это название.

Суан отвечать не спешила. Она устала на колени, провела пальцами по юбке.

- Мореин, это странный город, - в конце концов промолвила она. - Фонари на улицах, женщины дерутся на дуэлях, даже если все это отрицают. Сплетен столько, сколько не услышишь от десятка упившихся элем мужчин. Есть и интересные слухи. - Она подалась вперед и положила ладонь на колено Мореин. - Все толкуют о молодом кузнеце. Две ночи назад его нашли мертвым, с переломанным хребтом. С месяц тому назад он, чего от него никто не ждал, вдруг заделался оратором. Убедил свою гильдию собрать деньги в помощь бежавшим в город от разбойников беднякам. Хотел помочь тем, кто не связан ни с цехами, ни со знатными Домами.

- Суан, Света ради, о чем...

- Погоди, послушай, Мореин. Он сам собрал немало серебра. Когда его убили, шел он, судя по всему, в гильдию, хотел сдать то ли шесть, то ли восемь мешков с деньгами. Глупец сам серебро

понес. Но дело в том, Морейн, что ни одной монетки не тронули. И на теле не было ни царапины, лишь позвоночник сломан.

Женщины молча уставились друг на друга. Потом Морейн покачала головой.

- Не пойму, как это увязать с Мейлин либо с Тамрой. При чем тут кузнец? Суан, мы спатим, если везде будем видеть Черных сестер.

- А если не будем о них думать, то погибнем, - ответила Суан. - Ну ладно. Может, им в сети попадут вовсе не ленивые караси, а щуки-серебрянки. Только не забывай, что на рыбном рынке и щук-серебрянок продают. Как нам быть с леди Инее? Что ты придумала?

Морейн рассказала подруге свой план. Суан он не очень-то понравился, и немалую часть ночи ее пришлось убеждать. По правде говоря, Морейн была бы не против, если б Суан уговорила ее попробовать что-нибудь другое. Но леди Инее видела зарю над Драконовой горой. Хорошо хоть, Айз Седай, советница при Этениелле, отправилась в поездку с королевой.

Утро выдалось суматошное и малоприятное. Морейн добила, чего хотела, но на горло собственной песне ей пришлось наступить. Суан на нее ворчала. Заспорила было по-новой с Морейн, как будто не доспорила вчера. Суан не нравилось, когда кто-то брал над ней верх в споре. Ей не нравилось, что рисковать во всем придется Морейн. Медведь с больным зубом, и то компания приятнее! Даже тот малый, Лан!

За золотом Морейн с Суан с утра пораньше заявили в банкирскую контору. Но деньги они получили лишь после того, как сурового вида женщина придирчиво прочитала вексель и тщательно изучила через лупу печать кайриэнского банкира внизу листа. Через лупу! Подумаешь, чернила немного расплылись из-за купания в том злосчастном пруду! Госпожа Ноаллин, не скрывая удивления, смотрела, как пришедшие к ней две женщины стали рассовывать кошель по внутренним карманам дорожных плащей.

- Неужели в Чачине нет закона? И двух женщин могут ограбить средь бела дня? - вежливо поинтересовалась у нее Морейн. - Думаю, с нашим делом мы закончили. Пусть ваш человек проводит нас к выходу. - При каждом шаге они с Суан тихонько позвякивали.

Выйдя за порог особняка банкирши, Суан пробормотала, что ее навьючили, будто мула, и что даже тот кузнец споткнулся бы под такой тяжестью. Но сломать себе хребет он и в этом случае не сумел бы. Так что без Черных Айя не обошлось. Неясно, правда, зачем им сдался кузнец? Уловив такие слова, какая-то представительная женщина, чью прическу украшали гребни из драгоценной поделочной кости, вздрогнула, а потом подхватила юбки до колен и так припустила бегом, что двум ее оторопевшим слугам пришлось вприпрыжку догонять хозяйку. Суан вспыхнула, но держалась как ни в чем не бывало.

Худошавая заносчивая белошвейка сообщила Морейн, что без труда исполнит ее заказ. Наверное, к концу месяца. Очень многие леди желают заказать себе новые наряды. Ведь Айздайшарский дворец посетил король. Король Малкир!

- Госпожа Дорелмин, последний король Малкир умер двадцать пять лет назад, - сказала Морейн, кинув на конторку тридцать золотых крон. Силенэ Дорелмин алчным взглядом ласкала тяжелые монеты, и глаза ее засверкали еще пуще, когда ей сказали, что она получит еще столько же, когда платья будут готовы. - Но из тех тридцати за каждый день просрочки я удержу по шесть монет.

И вдруг выяснилось, что платья скорей всего будут готовы раньше, чем к концу месяца. Гораздо раньше.

- Ты видела, как одета эта костлявая шлюха? - спросила Суан, едва они с Морейн вышли за порог мастерской. - Платье с нее вот-вот свалится. Вот и заказала бы себе такие же. Может, тебе понравится, как на тебя будут пялиться мужчины, когда ты свою глупую голову на плаху понесешь.

Морейн заставила себя выполнить упражнение, какому обучают послушниц, - представила себе бутон розы, распускающийся навстречу солнцу. Как всегда, после этого она успокоилась. Неровен час еще зуб себе сломала бы, так челюсти стискивала.

- Другого выхода нет, Суан. Как по-твоему, не одолжит нам хозяйка гостиницы своего вышибалу? - Ишь ты, король Малкир. О Свет, эта белошвейка ее, видно, круглой душой считает!

Утром на третий день, как Морейн приехала в Чачин, сверкающая желтым лаком карета, которой правил кучер с широкими как у быка плечами, подкатила к Айздайшарскому дворцу. Позади кареты были привязаны две лошади - гнедая с высокой шеей и длинноногая мышастая. Леди Морейн Дамодред, на чьем темно-голубом платье горизонтальные цветные полосы спускались от глухого ворота до колен, приняли со всем подобающим ее высокому званию почетом. Если не имя Морейн, то Дом Дамодред был известен, и поскольку короля Ламана не было в живых, то на Солнечный Трон мог взойти любой из рода Дамодред. Если, конечно, какой-нибудь другой Дом не захватит трон раньше. Гости отвели соответствующие апартаменты - окна трех комнат смотрели на северные пики, увенчанные снежными шапками, а внизу виднелись городские улицы. Присланные служанки кинулись распаковывать окованные медью дорожные сундуки, принесли горячую цветочную воду, чтобы леди освежилась с дороги. На горничную леди Морейн, Зуки, кроме служанок, никто и не взглянул.

- Ну хорошо, ты права, - промолвила Суан, когда служанки наконец ушли и оставили ее с Морейн вдвоем в гостиной. - В этом наряде я и впрямь стала невидимкой. - Ее простое темно-серое платье, сшитое из тонкой шерсти, было украшено лишь по вороту и манжетам цветами Дома Дамодред. - А ты в глаза бросаешься, точно Благородный Лорд Тира с веслом в руках. О Свет, я чуть язык не проглотила, когда ты спросила, есть ли во дворце Айз Седай. Я так нервничаю, что даже голова кружится. И дыхание спирает.

- Это все из-за высоты, - объяснила подруге Морейн. - Ничего, привыкнешь. Все гости обычно спрашивают про Айз Седай, и слуг этим не удивишь. - Впрочем, сама она дыхание затаила, пока не услышала ответа на свой вопрос. Окажись во дворце хоть одна сестра, все сразу бы изменилось. - И почему я тебе должна все время повторять одно и то же? Запомни, королевский дворец это тебе не гостиница. Здесь никого не устроит: "Зовите меня леди Элис". Это не мое мнение, а просто факт. Я должна быть сама собой. - Три Клятвы позволяли говорить то, что сестра считает правдой, даже если не может этого подтвердить, точно так же, как позволяли ходить вокруг да около истины; с языка не могли сорваться лишь заведомо лживые слова. - Будем надеяться, что с помощью своей невидимости ты раз узнаешь о леди Инее. Мне очень хочется убраться отсюда как можно быстрее.

Лучше всего - завтра, это никого не оскорбит и не вызовет досужих разговоров. Суан права. Во дворце во все глаза будут смотреть на чужеземку благородного звания из Дома, который развязал Айильскую Войну. Любая Айз Седай, едва появившись в Айздайшарском дворце, сразу о ней узнает. Суан права: Морейн будто бы взобралась на пьедестал, превратившись в видимую всем цель, притягивая стрелы и ни сном ни духом не ведая, где таится лучник. Да, лучше всего покинуть дворец завтра, пораньше с утра.

Суан выскользнула за дверь, но очень скоро вернулась, и с худыми вестями. Леди Инее в уединении оплакивает своего мужа.

- Он умер за завтраком десять дней назад. Упал лицом в тарелку, - сообщила Суан, плюхнувшись на стул в гостиной и закинув руку на спинку. Получив шаль, она частенько забывала о хороших манерах. - Мужчина уже пожилой, но она, как видно, любила его. В южной части дворца ей предоставили десять комнат и садик. Ведь ее муж был близким другом принца Бриса.

Инее намеревалась носить траур месяц и не видется ни с кем, за исключением ближайших родственников. Служанки же покидали отведенные леди Инее покои лишь при самой крайней необходимости.

- Айз Седай она во встрече не откажет, - вздохнула Мореин. Даже скорбящая по любимому мужу женщина примет сестру.

Суан вскочила с места.

- Ты что, спятила? И так уже все на леди Мореин Дамодред оглядываются! Мореин Дамодред Айз Седай - все равно что глашатаев разослать! Я уж думаю, не улизнуть ли нам из дворца раньше, чем кто-нибудь за его стенами узнает, что мы вообще тут были!

В этот миг вошла служанка с известием, что прибыла шатайян, дабы проводить Мореин к принцу Брису, и оторопело хлопала глазами, увидев, как Зуки, сурово стоя над госпожой, чуть ли не тыкает в нее пальцем.

- Передай шатайян, что я сейчас буду, - спокойно велела Мореин изумленной служанке. Та присела в реверансе и, пятась, удалилась. Мореин поднялась, чтобы не смотреть на рослую Суан снизу вверх. - А что ты предлагаешь? Остаться тут на две недели, дожидаясь, пока она выйдет из своих комнат? Это ничуть не лучше. И со служанками ее тебе дружбы не свести, раз они тоже не выходят.

- Их могут послать с каким-нибудь поручением. А потом, Мореин, я попрошусь к ним в гости.

Мореин завела было речь, что одно случится не раньше, чем другое, но Суан, крепко взяв ее за плечи, повернула подругу кругом, критически разглядывая с головы до ног.

- Как полагается, горничная леди должна удостовериться, что ее хозяйка одета надлежащим образом, - сказала Суан, а потом подтолкнула Мореин к двери. - Ступай. Тебя ждет шатайян. И если повезет, Зуки будет ждать молодой лакей по имени Кэл.

Шатайян и впрямь ждала. Это была красивая статная женщина, преисполненная холода и достоинства - поскольку ее заставили ждать. Взгляд ее орехово-карих глаз мог заморозить вино. С шатайян не станет ссориться даже королева, если она не дура, поэтому Мореин держалась с почтительной любезностью. Дорогой ей вроде бы удалось слегка растопить ледок отчужденности, но полностью на этом Мореин сосредоточиться не могла. Что за молодой лакей? Она не знала, был ли у Суан когда-нибудь мужчина, но чтобы таким образом добраться до слуг Инее!.. Только не лакей!

Вдоль увешанных гобеленами коридоров выстроились статуи, причем большинство из них Мореин не ожидала увидеть в Пограничных Землях. К ее удивлению, высеченные из мрамора фигуры изображали женщин с цветами или играющих детей, а на шелковых полотнищах были вытканы цветущие луга и живописные сады. Среди гобеленов Мореин заметила лишь несколько с изображениями охотничьих сенок и ни одного - с картиной сражений. Арочные окна выходили в сады, которых оказалось куда больше, чем предполагала Мореин, и на мощеные дворики, где иногда журчали в мраморных бассейнах фонтаны. Бросив взгляд в одно из окон, она увидела то, что сразу же отодвинуло на задний план мысли о Суан и лакее.

В неприметном дворике, без фонтана или галереи с колоннами, вдоль ограды выстроились ряды мужчин. Они смотрели на двух обнаженных по пояс бойцов, которые бились друг с другом учебными мечами. Рин и Букама. Хотя и учебный, но то был настоящий бой - она явственно слышала удары оружия по телу. Все удары доставались Рину. Ей нужно будет держаться в стороне от этих двоих, и от Лана тоже, если он тоже тут. Он несколько не скрывал своих сомнений, и с него станется спросить о том, чего Морейн боялась услышать. Кто она, Морейн или Элис? Или того хуже: она Айз Седай или прикинувшаяся ею дикарка? Об этом уже через день начнут судачить на улицах, слухи дойдут до ушей какой-нибудь сестры, и ту скорей всего заинтересуют странные события. К счастью, вряд ли Морейн встретится во дворце с кем-то из этих трех бродячих солдат.

В просторной комнате, отделанной алыми и золотистыми панелями, Морейн радушно приветствовал принц Брис, крепкий зеленоглазый мужчина. Ей представили двух замужних сестер принца и их мужей, потом - сестру Этениелле с мужем; мужчины были облачены в шелковые одежды приглушенных тонов, а женщины носили яркие цветные наряды с поясом под самой грудью. Слуги в ливреях подали засахаренные фрукты и орехи. Морейн подумала, что у нее скоро заново зашевелится шея: самая низкорослая из женщин оказалась выше Суан, и Морейн приходилось высоко держать голову. Свои гордые шеи они - и мужчины, и женщины - немного склонили перед Айз Седай, но леди Морейн они считали себе равней.

Беседа текла неспешно, говорили то о музыке и о самых искусных музыкантах из придворных, то о трудностях путешествия, потом о том, верны ли слухи о появлении способного направлять мужчины, и о том, отчего так много ныне в мире появилось Айз Седай, и Морейн обнаружила, что ей не так-то легко поддерживать непринужденно-остроумный разговор. Тяги к музыке она не испытывала, тем более ее не интересовали музыканты - в Кайриэне их нанимали, а на завтра о них забывали. Всем известно, что в дороге подстерегают трудности, когда не знаешь, ждет ли тебя вечером постель и приличная еда после двадцати-тридцати миль пути, да и то если стоит погожая погода. Очевидно, кто-то из сестер намеревается проверить слухи о том мужчине, другие, похоже, решили напомнить тронам и Домам об их обязательствах перед Башней, подзабытых было за Айильскую Войну. Напомнить как прилюдно, так и наедине. Если Айз Седай еще не прибыли в Айздайшарский дворец, то подобного визита нужно в скором времени ждать. Морейн старалась гнать от себя эту мысль, мешавшую вести беззаботную болтовню. И еще ей не давало покоя другое - причина, почему столько сестер покинули Башню. Мужчины как будто не заметили ее скованности, однако Морейн показалось, что женщины сочли ее если не тупоголовой, то наверняка скучной собеседницей.

При появлении детей Бриса Морейн испытала громадное облегчение. Раз их собираются ей представить, значит, она принята в число домочадцев и гостей принца, кроме того, это означало окончание аудиенции. Старший сын, наследник престола Антол, отправился на юг вместе с Этениелле, и за него осталась миленькая зеленоглазая девчушка - двенадцати лет по имени Джарен. Она и представила сестру и четырех братьев, как и предписывал этикет, - по старшинству. Впрочем, по правде говоря, двое младших едва вышли из пеленок и их принесли няньки. Горя от нетерпения узнать, что же удалось разнюхать Суан, Морейн похвалила поведение детей, пожелала успехов в занятиях. Должно быть, они, как и взрослые, сочли ее туповатой. Вовсе не интересной гостьей.

- И как, милорд Дайрик, вы заслужили эти синяки? - спросила она, краем уха вслушиваясь в неторопливый рассказ мальчугана. Пока...

- Миледи, отец сказал, что раз я не убился, то мне везет, как Лану, - сказал Дайрик, сбившись с формально-рассудительного тона на свойственный мальчику его лет. - Лан - это король Малкир и самый везучий человек в мире. И лучше всех мечом владеет. Не считая моего отца, конечно.

- Король Малкир? - удивленно заморгала Морейн. Дайрик энергично закивал и принялся взахлеб рассказывать о подвигах Лана в Запустении, о Малкири, собравшихся в Айздайшарском дворце и готовых последовать за ним. Но отец знаком велел ему замолчать.

- Лан - король, если он того захочет, миледи, - заметил Брис. Очень странные слова, и прозвучали они тем более странно, что были сказаны тоном, полным сомнения. - Он нечасто покидает свои апартаменты, - это, похоже, тоже волновало Бриса, - но вы с ним встретитесь, до того как... Миледи, что с вами? Вам плохо?

- Нет, ничего, - ответила ему Морейн. Она надеялась на встречу с Ланом Мандрагораном, готовилась к ней, планировала, но не здесь же! Внутри у нее все сжалось. - Прошу прощения, но, возможно, я и сама несколько дней проведу в своей комнате.

Разумеется, Брис не стал возражать, и все с сожалением заметили, что ее общества им будет не хватать, посочувствовали, что на ней так сказалась тяжесть путешествия. Впрочем, Морейн уловила, как одна из женщин проворчала об изнеженности южан.

В коридоре Морейн ожидала молодая светловолосая женщина в ало-зеленом платье, звали ее Элиза и ей поручили проводить гостью обратно в ее комнаты. Всякий раз, обращаясь к Морейн, Элиза склонялась в реверансе, но языком молола без умолку. Ей уже сказали о "слабости" Морейн, и каждые двадцать шагов она спрашивала, не желает ли Морейн присесть и передохнуть, не распорядиться ли принести смоченные холодной водой полотенца в ее комнаты, не нужны ли нагретые кирпичи под ноги, или нюхательные соли, или еще какое-нибудь верное средство от "головокружений". В конце концов Морейн просто велела Элизе замолчать. Глупая девочка надулась, но дальше по коридору шла молча.

Морейн несколько не волновало, обиделась та или нет. Ей сейчас хотелось одного - чтобы Суан явилась с добрыми вестями. А лучше всего - держа на руках ребенка, родившегося на Драконовой горе, и с его матерью, уже снаряженной в путь. Но больше всего ей хотелось исчезнуть из дворцовых переходов, пока она не нарвалась на Лана Мандрагорана.

Обеспокоенная этим, Морейн свернула за угол следом за служанкой и нос к носу столкнулась с Мериан. Ее шаль с голубой бахромой свободно висела на плечах. Сопровождала Мериан сама шатайян, а позади сестры вился целый шлейф служанок. Одна несла красные перчатки для верховой езды, другая - подбитый мехом плащ Айз Седай, третья - ее темную бархатную шляпку. Вьюки и плетеные корзины, на которые хватило бы и по одному носильщику, тащили по двое слуг, другие держали большие охапки цветов. Айз Седай принимают с куда большим почетом, чем обыкновенную леди, сколь бы знатен ни был ее Дом.

Завидев Морейн, Мериан прищурила глаза.

- Вот так сюрприз! И ты здесь, - медленно произнесла она. - Судя по наряду, ты отказалась от своей маскировки? Но нет - кольцо-то так и не надела.

Морейн была так изумлена внезапным появлением Мериан, что едва ли расслышала ее слова.

- Ты одна? - вырвалось у Морейн.

На миг глаза Мериан превратились в щелочки.

- Ларелле решила отправиться своей дорогой. Если не ошибаюсь, на юг. Большого я не знаю.

- Я имела в виду Кадсуане, - сказала Морейн, удивленно моргнув. Чем больше она думала о Кадсуане, тем большую чувствовала уверенность, что та должна быть Черной Айя. Удивила же ее Ларелле. Судя по всему, настроена Ларелле была самым решительным образом и намеревалась добраться в Чачин не мешкая. Бывает, планы меняются, но Морейн вдруг поняла очевидную

вещь. Черные сестры могут лгать. Это невозможно - Клятвы нельзя нарушить! - однако иначе быть не могло.

Мериан двинулась к Морейн, а когда та отступила на шаг, вновь шагнула к ней. Морейн держалась прямо, но все равно была ей по подбородок.

- Тебе так не терпится свидеться с Кадсуане? - спросила Мериан, глядя на Морейн сверху вниз. Голос у нее был ласковый, на лице написана доброжелательность, но в глазах сверкало холодное железо. Неожиданно оглянувшись на слуг, Мериан, видимо, сообразила, что они с Морейн не одни. Сверкание железа в ее зоре приугасло, но не исчезло. - Знаешь, а Кадсуане была права. Молодая женщина, которая думает, будто много знает, может угодить в очень большую беду. Мой тебе совет: держись тихо и помалкивай, пока мы с тобой не поговорим.

Властным жестом она велела шатайян продолжать путь, и величественная женщина беспрекословно подчинилась. Подобная безапелляционность со стороны короля или королевы надолго испортили бы их отношения с шатайян, но только не с Айз Седай.

Морейн долго глядела вслед Мериан, пока та не свернула за угол. Все только что сказанное Мериан могла сказать и посланница Тамры. Черные сестры способны лгать. Неужели Ларелле передумала и не поехала в Чачин? Или же погибла, как Тамра и другие? Неожиданно Морейн поймала себя на том, что разглаживает юбки. Прекратить нервные движения оказалось легче, чем унять охватившую ее мелкую дрожь.

Элиза с раскрытым ртом и округлившимися глазами смотрела на Морейн.

- Так вы тоже Айз Седай! - пропищала служанка, потом вздрогнула, заметив, как поморщилась Морейн. - Я никому и словечка не скажу, Айз Седай! - горячо зашептала Элиза. - Светом клянусь и могилой отца! - Как будто сопровождавшие Мериан служанки не слышали того, что услышала она. Вот они-то не станут язык за зубами держать.

- Веди меня в комнату Лана Мандрагорана, - велела служанке Морейн. Что было правдой на восходе, неизменно изменится к полудню, и значит, необходимо действовать. Она вытащила из поясного кошелька кольцо Великого Змея и надела на правую руку. Иногда приходится рисковать.

После долгой прогулки по дворцовым коридорам - к счастью, в молчании, - Элиза постучала в красную дверь и заявила открывшей на стук седоволосой женщине, что леди Морейн Дамодред Айз Седай желает говорить с королем ал'Ланом Мандрагораном. Кое-что к сказанному ей Морейн Элиза прибавила от себя. Надо же, король! Ответ был потрясающим: лорд Мандрагоран не имеет желания беседовать ни с одной Айз Седай. Седоволосая женщина выглядела шокированной, но тем не менее решительно захлопнула дверь.

Элиза большими глазами взидала на Морейн.

- Теперь я могу проводить миледи Айз Седай в ее апартаменты, - неуверенно промолвила служанка, - если... - Она испуганно пискнула, когда Морейн толкнула дверь и шагнула через порог.

Седоволосая служанка и еще одна, немногим моложе, сидевшие за штопкой, вскочили с мест. Расположившийся подле камина худой парень неуклюже поднялся на ноги и поглядывал на женщин, ожидая от них распоряжений. А те просто смотрели на Морейн, пока она не приподняла вопросительно бровь. Потом седоволосая указала на одну из двух дверей, ведущих во внутренние покои.

Эта дверь вела в гостиную, мало чем отличающуюся от гостиной Морейн, но здесь все позолоченные стулья были придвинуты к стенам, а ковер с цветными узорами скатан. И посреди комнаты Лан, обнаженный по пояс, упражнялся с мечом. На шее при каждом движении

покачивался небольшой золотой медальон, клинок слился в размытый круг. Пот струился по телу, на котором было столько шрамов, что Морейн едва поверила глазам: ведь он очень молод! Хватало и не до конца заживших ран, зашитых темными нитками. Прервав упражнение, Лан ловко развернулся к Морейн лицом, уперев меч кончиком в плитки пола. Он, как и прежде, избегал взгляда Морейн - что это у них с Букамой за странная манера? Влажные пряди волос, хоть их и удерживала кожаная лента, свисали на лицо, но дыхание Лана не было сбито.

- Ты, - прорычал он. - Значит, сегодня ты Айз Седай, а в придачу еще и Дамодред. У меня нет времени для твоих игр, кайриэнка. Я жду кое-кого. - Холодный взор голубых глаз двинулся к двери за спиной Морейн. Но странно, посмотрел он, кажется, на плетеный волосяной шнурок, сложным узлом повязанный на ручку двери. - Ей не понравится, если она увидит здесь другую женщину.

- Твоей даме сердца не стоит меня опасаться, - язвительно заметила Морейн. - С одной стороны, ты слишком высок, а с другой - я предпочитаю мужчин хотя бы чуточку красивых. И с хорошими манерами. Мне нужна твоя помощь. С Войны Ста Лет держат данную некогда клятву, что все Малкири откликнутся на призыв Белой Башни. Я - Айз Седай, и я призываю тебя!

- Ты ведаешь, сколь высоки холмы, но не то, как они лежат, - пробормотал он, будто бы цитируя какую-то малкирскую поговорку. Пройдя в дальний угол комнаты, Лан поднял ножны и с силой вогнал в них меч. - Я помогу тебе, если ты ответишь на один вопрос. Я много лет задавал его Айз Седай, но они точно гадюки ускользали от ответа. Если ты Айз Седай, ответь мне.

- Отвечу, если ответ мне известен. - Она вновь не сказала ему, кто она такая, но обняла саидар и выдвинула один из золоченых стульев в центр комнаты. Она не сумела бы поднять такую тяжесть, но стул легко скользил на потоках Воздуха, даже будь он вдвое тяжелее. Усевшись, Морейн закинула ногу на ногу и сцепила руки на колене, чтобы выставить напоказ золотое кольцо Змея, блестящее на пальце. Тот, кто выше, имеет преимущество, если собеседники стоят, но если один сидит, а другой стоит, то первый должен чувствовать себя так, будто его судят, особенно если сидит Айз Седай.

Но он вообще не чувствовал никакой неловкости. Впервые с того момента, как они встретились, он прямо смотрел ей в глаза. И во взгляде его был холод голубого льда.

- Когда Малкир погибла, - тихо, но со стальными нотками сказал он, - Шайнар и Арафел прислали людей. Им не под силу было остановить поток троллоков и Мурддраалов, но они пришли. Были отряды из Кандора и даже из Салдэйи. Они опоздали, но они пришли. - Голубой лед обратился в голубое пламя. Голос его не изменился, но пальцы, сжимавшие меч, побелели. - Девять сотен лет мы откликались на призыв Белой Башни, но где была Башня, когда погибала Малкир? Если ты Айз Седай, ответь мне!

Морейн заколебалась. Он задал вопрос, ответ на который был тайной, Запечатанной Башней, - об этих событиях Принятые узнавали на уроках истории, но другим о них запрещалось говорить. Но что значит наказание в сравнении с тем, что она должна сделать?

- Больше сотни сестер были отправлены в Малкир, - сказала Морейн со спокойствием, дававшимся ей с трудом. Уже за одни эти слова она должна сама попросить о наказании - так ее учили много лет. - Но даже Айз Седай не умеют летать. Они пришли слишком поздно. - Когда явилась первая, то бесчисленные орды Отродий Тени разгромили армии Малкир, а оставшиеся в живых люди бежали. Гибель Малкир была жестокой и кровавой - и быстрой. - Это произошло еще до моего рождения, но мне очень жаль, что так случилось. И я сожалею, что Башня решила сохранить свои усилия в тайне. - Лучше, чтобы думали, будто Башня и пальцем не пошевелила, чем позволить узнать, что Айз Седай попытались что-то сделать и потерпели неудачу. Неудача - удар по престижу Айз Седай, а загадочность - броня, в которой нуждалась Башня. У Айз Седай

свои причины поступать так или иначе или не делать ничего, и эти причины ведомы лишь Айз Седай. - Большого ответа я дать не могу. Я и так сказала больше, чем могла. Большого, думаю, не говорила ни одна из сестер. Этого достаточно?

Какое-то время он просто смотрел на нее, огонь в глазах медленно угасал, превращаясь снова в лед. Лан опустил взгляд.

- Я почти поверил, - в конце концов пробормотал он, не сказав, во что именно он почти поверил. Потом горько рассмеялся. - Как я могу помочь тебе?

Морейн нахмурилась. Надо побольше времени провести наедине с этим мужчиной, чтобы подчинить его, но с этим можно обождать.

- Во дворце есть еще одна сестра. Мериан Редхилл. Мне нужно знать, куда она ходит, что делает, с кем встречается.

Лан моргнул, но не стал задавать напрашивающихся вопросов. Возможно, понимал, что ответов не получит, но молчание было хорошим знаком.

- Последние несколько дней я провел у себя в комнатах, - сказал он, опять взглянув на дверь. - Не знаю, много ли я сумею узнать.

Не желая того, Морейн фыркнула. Пообещал ей помощь, а потом заволновался о своей даме. Может, он не тот человек, каким она его считала. Но другого у нее нет.

- Не ты, - сказала Лану Морейн. Вскоре о ее визите узнают во всем дворце, коли эта весть уже не облетела Айздайшар, и если заметят, что он шпионит за Мериан... Это будет катастрофой, даже если та невинна как младенец. - Полагаю, лучше, чтобы ты попросил кого-нибудь из Малкири. Из тех, кто собрался здесь, откликнувшись на твой призыв. Кого-нибудь с зорким глазом и неболтливым языком. Все нужно сделать в абсолютной тайне.

- Я никого не звал, - резко сказал Лан, вновь кинув взгляд на дверь. Вдруг он показался крайне усталым. Нет, плечи у него не поникли, но он подошел к камину и поставил рядом меч с осторожностью усталого человека. Стоя спиной к Морейн, Лан произнес: - Я попрошу Букаму и Рина последить за ней, но обещать за них не берусь. Вот и все, что я могу для тебя сделать.

Морейн подавила досадливый вздох. Мог он сделать большее или нет, у нее не было никакого рычага, чтобы воздействовать на него.

- Букаму, - сказала она. - Только его. - Судя по тому, как себя вел Рин с Морейн, он будет хлопать глазами на Мериан и вряд ли что-нибудь увидит или услышит. И то, если во всем не признается в тот же миг, когда Мериан взглянет на него. - И не говори ему зачем.

Лан резко обернулся к Морейн, но чуть погодя согласно кивнул. И вновь он ни о чем не спросил, хотя большинство людей на его месте обязательно начали бы задавать вопросы. Потом Морейн объяснила, что связаться с ней можно, передав записку ее камеристке, Зуки. Теперь Морейн оставалось надеяться, что она не допустила роковой ошибки.

Вернувшись в свои апартаменты, Морейн убедилась, как быстро новости облетают Айздайшарский дворец. В гостиной ее глазам предстала такая картина: Суан, держа в руках блюдо со сладостями, склонилась возле высокой девушки, одетой в светло-зеленый шелк. Волосы пухлогубой незнакомки, еще почти девочки, были цвета воронова крыла и ниспадали ниже талии; на лбу, там, где у Морейн висел голубой камешек кесайры, был нанесен голубой краской маленький кружок. Лицо Суан оставалось непроницаемым, но в голосе, когда она представила гостью как леди Изелле, послышалось напряжение. Почему, очень скоро стало понятно.

- Во дворце все говорят, что вы - Айз Седай, - с недоверием разглядывая Морейн, сказала девушка. Она даже не соизволила встать, хотя бы из вежливости, не говоря уж о том, чтобы приветствовать Айз Седай реверансом. - Если так, то вы должны мне помочь. Я хочу отправиться в Белую Башню. А мать хочет выдать меня замуж. Я не против, чтобы Лан стал моим карнейрой, если, конечно, мать сама не выбрала его. Но когда я женюсь, он будет одним из моих Стражей. Я выберу Зеленую Айя. - Она слегка нахмурилась, посмотрев на Суан.

- Не вертись тут, девочка. Отойди-ка в сторонку, пока тебя не позовут. Суан послушно отошла к камину. Но настоящая служанка никогда в жизни не встала бы, как она: выпрямившись и сложив руки на груди, и не стала бы хмуриться, как она. Однако Изелле больше не обращала на нее внимания.

- Присаживайтесь, Морейн, - продолжила девушка с улыбкой. - И я скажу, что мне от вас нужно. Если, конечно, вы - Айз Седай.

Морейн изумленно смотрела на Изелле. Предлагать сесть в ее собственной гостиной! Эта глупая девчонка высокомерием не уступит Лану. Вот уж два сапога пара! Ее карнейра? На Древнем Языке это означает "первый" или "первая", а здесь, несомненно, есть и еще какой-то смысл. Или она имеет в виду?.. Быть не может! Уж на что чудны эти Малкири, но не это же!..

Усевшись на стул, Морейн сухо заметила:

- С выбором Айя лучше подождать. Мне нужно хотя бы проверить, есть ли вообще смысл посылать тебя в Башню. Несколько минут, и будет ясно, способна ли ты научиться направлять Силу. Заодно узнаем, каков твой потен...

Девчонка беспечно перебила Морейн:

- Ой, да меня уже проверяли! Несколько лет назад. Айз Седай сказала, что я буду очень сильной. Я сказала, что мне пятнадцать лет, но она узнала правду. Не понимаю, почему мне нельзя было отправиться в Башню в двенадцать лет, когда мне этого захотелось. Мать в ярость пришла. Вечно она твердит, что когда-нибудь я стану королевой Малкири. Но ведь тогда я должна выйти замуж за Лана, а я не хочу. Пусть даже матушка и не была бы его карнейрой. Когда вы скажете ей, что забираете меня в Башню, ей придется уступить. Ведь всем известно, что Айз Седай могут забрать на обучение любую девушку, и никто не станет ее останавливать. - Она пожевала пухлыми губками. - Вы ведь Айз Седай, да?

Морейн выполнила упражнение с бутоном розы. Потом сказала:

- Если хочешь отправиться в Тар Валон, скатертью дорога. Лично у меня нет времени сопровождать тебя. В Тар Валоне ты наверняка встретишь сестер, которые, несомненно, будут Айз Седай. Зуки, будь добра, проводи леди Изелле. Она собралась в дорогу, и я уверена, что она не хочет медлить. А то как бы матушка ее не поймала.

Девчонка, разумеется, была возмущена до глубины души, но Морейн желала лишь одного - как можно скорее увидеть спину Изелле, и Суан чуть ли не вытолкала несносную девчонку в коридор.

- Эта девица, - заметила Суан, возвращаясь и отряхивая руки, - не продержится и месяца, пусть даже она и ровня Кадсуане. - Башня точно железными тисками готова была ухватиться за женщину, если есть самый малый шанс, что она получит шаль. Но те, кто не мог или не желал учиться, очень скоро оказывались за воротами Башни, а умение направлять Силу - не самое главное в обучении послушниц и Принятых.

- Да пусть Сайрин самолично скинет ее с верхушки Башни, мне-то что? - огрызнулась Морейн. - Ты что-нибудь узнала?

По-видимому, узнала Суан, что юный лакей умеет целоваться - подобное откровение даже не заставило ее покраснеть! - а кроме этого, больше ничего существенного. Как ни удивительно, но Суан больше обеспокоило не появление во дворце Мериан, а то, что Морейн обратилась за помощью к Лану.

- Сдерите с меня шкуру и засолите, но что за идиотский риск, Морейн! Девять раз дурень тот, кто претендует на трон погибшей страны. Да он в эту минуту языком треплет направо-налево! Проклятие! Если Мериан узнает, что ты наладила за ней слежку... Чтоб мне сгореть!

- Может, он и не девять раз дурень, Суан, но, по-моему, он не из тех, кто "языком треплет направо-налево". И кто, как не ты, вечно твердила мне присловье своего отца:

"Ничего не выиграешь, коли хотя бы медяком не рискнешь"? Иного выбора нет, надо рисковать. А раз тут Мериан, то времени у нас почти не осталось. Как можно скорее ты должна добраться до леди Инее.

- Сделаю, что смогу, - пробурчала Суан и вышла за дверь, расправляя плечи, словно борец для схватки, и в то же время нервно разглаживая юбки на бедрах.

Уже давно минули сумерки и стояла ночь, и Морейн пыталась читать при свете лампы, когда Суан вернулась. Морейн отложила книгу; она чуть ли не час смотрела на одну и ту же страницу. На сей раз Суан пришла с новостями, которыми тут же не преминула поделиться, копаясь в платьях и сорочках, сшитых госпожой Дорелмин.

Сначала Суан поворчала, что ее на обратном пути в апартаменты Морейн поймала "какая-то старая гримза", поинтересовавшись, не ее ли зовут Зуки. Потом Суан сказала Морейн, что Мериан чуть ли не весь день провела с принцем Брисом, а вечером отправилась отдыхать в свои покои. Никакой ниточки. Что более важно, Суан сумела как бы невзначай упомянуть имя Райхиена в разговоре с Кэлом. Когда родился мальчик, лакея при леди Инее не было, но он знал, в какой день это случилось - на следующий день, как Айил начали отступление от Тар Валона. При этом известии Морейн и Суан обменялись долгими взглядами. На следующий день, как Гайтара Моросо Предсказала Возрождение Дракона и, потрясенная своими словами, упала замертво. Рассвет над горой, и срок вписывается в те десять дней до внезапной оттепели, когда растаял весь снег. Гайтара особо упоминала снег.

- Все равно, - продолжала Суан, принявшись укладывать в узел белье и чулки, - я убедила Кэла, что меня выгнали со службы. Мол, я пролила вино на твое платье. И он предложил мне переночевать вместе со слугами леди Инее. Он даже собирался добиться для меня места при своей госпоже. - Суан хмыкнула, потом, поймав взгляд Морейн, еще раз хмыкнула, но уже поглубже. - Морейн, он же мне не свою постель предлагал. А даже если и свою - он очень обходительный, и у него премиленькие карие глаза. Ты таких в жизни не видела. Вот наступит скоро день, ты и сама решишься на что-то большее, чем мечты о мужчине. Надеюсь, мимо меня это не пройдет!

- Не мели ерунды! - сказала ей Морейн. Перед ними стоит такая важная задача, куда уж тут подружкам о мужчинах болтать. Тем паче не о том, к чему клонит Суан. Значит, Мериан весь день провела с Брисом? И шагу не сделала к комнатам леди Инее? Для избранницы Тамры или Черной сестры это лишено смысла, но Морейн была твердо убеждена, что Мериан - либо та, либо другая. Морейн с тревогой чувствовала: что-то она упустила. Чего-то она не знает, и это незнание может погубить ее. И что страшнее всего, это незнание может погубить Возрожденного Дракона еще в колыбели.

Лан скользил по коридорам Айздайшарского дворца, применяя все те умения, которым его научило Запущение. Лишь бы не попасть кому-нибудь случайно на глаза. Теперь его служанки

сначала выполняли распоряжения Эдейн и только потом слушались его. Видно, считали это одним из обычаев Малкири. Наверное, она им так сказала. Лан опасался, что любой в Айздайшаре, кто носит ливрею, непременно сообщит Эдейн, где его найти. Ему казалось, что он знает, где очутился. Хотя Лан и бывал во дворце, без проводника он уже дважды заблудился. С мечом на боку он чувствовал себя круглым дураком. В этой битве стальной клинок - не помощник.

Вдруг он уловил какое-то движение и тут же вжался в стену позади статуи - женщина, окутанная облаками, и в руках у нее охапка цветов. И вовремя. Из поперечного коридора впереди вышли две женщины и остановились, о чем-то тихонько разговаривая. Изелле и та Айз Седай, Мериан. Лан замер неподвижно, как камень, за которым он прятался.

Ему не очень-то нравилось прятаться, но до того, как Эдейн развязала узел на его даори, которым на два дня буквально посадила его под замок, она ясно дала понять, что намерена объявить о скором его бракосочетании с Изелле. Букама оказался прав. Эдейн воспользовалась его даори, точно уздой, и Лан не сомневался, она вряд ли угомонится лишь потому, что он женился на ее дочери. Когда сталкиваешься с противником, одолеть которого тебе не под силу, единственный выход - бегство. И Лану очень хотелось так поступить.

Мериан резко взмахнула рукой, Изелле энергично закивала и скрылась в том коридоре, откуда они пришли. Какое-то время Мериан глядела ей вслед, спокойное лицо Айз Седай оставалось непроницаемым. Потом, как ни странно, она тоже двинулась в ту же сторону, двигаясь с грациозностью, рядом с которой походка Изелле показалась бы неуклюжей.

Лан не стал терять время и размышлять, что у Мериан на уме, как не озадачивался тем, почему за ней хотела следить Морейн. Простому человеку недолго и с ума сойти, пытаясь разгадать головоломки Айз Седай. В том, что Морейн - Айз Седай, нет сомнений, иначе Мериан уже давно гоняла бы ее, ревущую и причитающую, по дворцовым коридорам. Выждав достаточно, чтобы парочка ушла подальше и его не заметили, Лан бесшумно двинулся к пересечению коридоров и заглянул за угол. Ни Изелле, ни Мериан он не увидел, поэтому поспешно двинулся дальше. Сегодня Айз Седай не его забота. Ему нужно поговорить с Букамой.

Бегство из дворца означало бы конец всей затеи Эдейн с женитьбой. Если удастся подольше не попадаться Эдейн, со временем она подыщет для Изелле другого мужа. Бегство означало бы конец всем мечтаниям Эдейн о восстановлении Малкири: когда узнают, что Лана нет, ее никто не станет поддерживать, все исчезнет, точно туман под полуденным солнцем. Бегство из дворца означало бы конец очень многим мечтаниям. Но у человека, который вывез на своей спине ребенка, есть право на мечту. Долг - как гора, но Лан должен нести эту ношу.

Впереди тянулся длинный широкий пролет лестницы, огражденной каменными перилами. Лан повернулся, чтобы спуститься, и вдруг понял, что падает. Он едва успел выставить вперед руку, как кубарем покатился по ступеням и в конце концов растянулся у подножия лестницы на мозаичном полу. От удара из легких выбило весь воздух. Перед глазамиплыли круги. Лан силился вдохнуть, силился встать.

Отовсюду появились слуги, с охами и ахами помогли Лану подняться на ноги; раздавались удивленные восклицания, как ему повезло не убиться насмерть при таком падении, спрашивали, не послать ли за Айз Седай для Исцеления. Лана шатало, он, нахмурившись, смотрел на лестницу, бормотал что-то в ответ - лишь бы окружившие его доброхоты убрались восвояси. Он подумал, что синяков и ссадин насажал, как никогда в жизни, но царапины и ушибы заживут, а сейчас ему менее всего хотелось встречаться с Айз Седай. Большинство людей после такого падения могли бы назвать себя счастливыми, если бы им повезло не свернуть себе шею, а лишь переломать все кости. Что-то дернуло Лана за лодыжки. Что-то толкнуло в спину. Это могло быть лишь одно, сколь бы невероятным оно ни было. Его пыталась убить Айз Седай.

- Лорд Мандрагоран! - Подбежавший коренастый мужчина в полосатом камзоле дворцовой стражи едва не упал, пытаясь разом и остановиться, и поклониться. - Мы вас повсюду ищем, милорд! - тяжело дыша, произнес он. - Там ваш человек, Букама! Идемте скорей, милорд! Может, он еще жив!

Выругавшись, Лан побежал следом за стражником, поторапливая его. Но было уже поздно. Поздно для того, кто вывез на своей спине младенца. Поздно для мечтаний.

Узкий проход вел на небольшой дворик, где обычно занимались солдаты. Сгрудившиеся у входа стражники расступились, пропуская Лана. Букама лежал ничком, хлынувшая изо рта кровь растеклась лужицей, а из спины торчала простая деревянная рукоять кинжала. Ткань вокруг кинжала потемнела от крови.. В невидящих глазах застыло удивление. Лан опустился на колени, закрыл старому другу глаза и пробормотал молитву. Пусть примет Букаму последнее объятие земли.

- Кто его нашел? - спросил Лан, но едва ли слышал нестройные ответы о том, кто, когда и где. Он надеялся, что Букама возродится в мире, где реет в поднебесье Золотой Журавль и несокрушимо высятся Семь Башен, а Тысяча Озер сверкают в лучах яркого солнца драгоценным ожерельем. Как Букама подпустил к себе кого-то так близко? Букама же чувствовал сталь рядом с собой, даже если она пряталась в ножнах. Но одно Лан знал наверняка: Букама погиб потому, что Лан впутал его в интриги Айз Седай.

Встав, Лан бросился бежать. Но не наугад, лишь бы уйти отсюда. Он знал, куда бежит. И Лана уже не волновало, кто его увидит.

Приглушенный стук распахнутой двери в переднюю и возмущенные крики служанок заставили Морейн встать - она в ожидании сидела на стуле в гостиной. Ждала чего угодно, но не этого. Обняв саидар, Морейн двинулась к двери, но успела сделать лишь два шага. Дверь распахнулась настежь. Лан стряхнул с рук вцепившихся в него служанок, захлопнул дверь перед их носом и привалился к ней спиной, глядя на удивленную Морейн в упор, прямо в глаза. На его лице наливались пурпуром кровоподтеки, и двигался он так, словно ему крепко досталось в драке. За дверью все затихло. Чтобы он ни задумал, служанки были уверены: Морейн с этим справится.

Как ни странно, Морейн поймала себя на том, что пальцы ее обхватили рукоять ножа на поясе. На ее стороне была Сила, и с Ланом, сколь бы рослым и мощным он ни был, она справится с той же легкостью, что и с ребенком, и все же... Его глаза больше не сверкали былым огнем. Морейн едва не отшатнулась от него. Не огонь, но смерть выжгла их мертвенным холодом. И в самый раз сейчас была ему эта черная куртка с вышитыми на ней жестокими шипами и холодно-золотыми цветками.

- Букама мертв. Его убили ножом в сердце, - бесстрастно произнес Лан. - И не прошло еще и часа, как кто-то пытался убить меня Единой Силой. Сначала я решил, что это Мериан, но когда я видел ее в последний раз, она шла за Изелле. Даже если она заметила меня и захотела проучить, у нее не хватило бы времени. Мало кто сумеет заметить меня, когда я этого не хочу, и вряд ли она меня видела. Значит, остаешься ты.

Морейн поморщилась, и причиной этого была не только звучащая в его голосе убежденность. Вот что она упустила:

глупая девчонка и в самом деле отправилась напрямик к Мериан.

- Ты удивился бы, узнав, сколь мало на свете вещей, которые можно скрыть от Айз Седай, - сказала Морейн Лану. Особенно от той из сестер, которая преисполнена саидар. - Наверное, не стоило мне просить, чтобы Букама следил за Мериан. Она очень опасна. - Мериан из Черной Айя;

теперь Морейн была убеждена в этом. Сестры могут очень сурово наказать тех, кто вздумает совать нос в их дела, но убивать... На такое не пошла бы ни одна из них. Ну и что теперь делать? Уверенность - не доказательство, тем более - перед Престолом Амерлин. А если еще и сама Сайрин - Черная... Чего волноваться, все равно тут ничего не поделать. Но с чего бы это Мериан понапрасну теряет время с Изелле? - Если ты тревожишься о девушке, мой тебе совет: отыщи ее поскорее и уведи подальше от Мериан.

Лан хмыкнул.

- Все Айз Седай опасны. А Изелле сейчас ничего не грозит. Я видел ее по пути сюда, она спешила куда-то вместе с Брисом и Дайриком. Почему погиб Букама? Ответь мне, Айз Седай. Во что я его впутал из-за тебя?

Морейн коротким взмахом руки велела ему помолчать и где-то в глубине души изумилась, когда он подчинился. Но мысли ее неслись яростным галопом. Мериан с Изелле. Изелле с Брисом и Дайриком. Мериан пыталась убить Лана. Внезапно кусочки головоломки сложились в цельную картину, в узор, совершенный во всех своих линиях. Хотя все это было немыслимо, невероятно, Морейн ничуть не сомневалась в верности своей догадки.

- Дайрик сказал мне, что ты - самый везучий человек в мире, - промолвила она, подавшись к Лану, - и ради самого Дайрика я надеюсь, что он прав. Куда обычно уходит Брис, чтобы побыть наедине с собой? Такое место, где ему никто не мешает?

- На западной стороне дворца есть галерея, - медленно произнес Лан, потом заговорил быстрее. - Если Брису грозит опасность, я должен вызвать стражу.

Он уже повернулся, рука легла на ручку двери.

- Нет! - остановила его Морейн. Она по-прежнему не отпускала Силу и готова была удержать Лана при помощи плетения Воздуха. - Вдруг окажется, что Мериан просто разговаривает с принцем Брисом? Вряд ли ему понравится, если во время их беседы к ним ворвутся стражники.

- А если окажется, что она не просто разговаривает? - спросил Лан.

- У нас нет против нее никаких доказательств, Лан. Подозрения - против слова Айз Седай. - Лан сердито вскинул голову и прорычал что-то об Айз Седай, что Морейн предпочла пропустить мимо ушей. - Проведи меня на эту галерею, Лан. Предоставь Айз Седай разобраться с Айз Седай. И лучше поторопиться. - Если Мериан и станет тратить время на слова, то разговор у нее, как подозревала Морейн, надолго не затянется.

Лан мешкать не стал, его длинные ноги так и мелькали. Морейн лишь оставалось подобрать юбки повыше и припустить за ним, не обращая внимания на изумленные взгляды и ворчание слуг и прочего люда в коридорах и вознося хвалу Свету, что Лан не обгоняет ее. На бегу она открыла себя потоку Силы, пока сладость и удовольствие не подобралась вплотную к грани боли. Еще она старалась прикинуть, как поступит, что вообще она может сделать против женщины, существенно превосходящей ее потенциалом, женщины, которая стала Айз Седай за столетия до рождения прабабушки Морейн. Ей очень не хотелось чувствовать себя такой испуганной. И еще она пожалела, что рядом нет Суан.

Сумасшедшая погоня вела Морейн через сверкающие величественные покои, через высокие коридоры, мимо рядов мраморных статуй, и внезапно дворцовый шум стих позади, и Морейн, вслед за Ланом, оказалась на длинном просторном балконе двадцати шагов шириной, откуда открывался незабываемый вид на городские кварталы. За каменными перилами, далеко внизу, виднелись крыши домов. Грозowymi порывами налетал холодный ветер. И здесь была Мериан, ее окружало свечение саидар. И здесь же были Брис с Дайриком - они стояли возле парапета,

тщетно стараясь освободиться от пут и кляпов, сотканных из потоков Воздуха. Изелле, нахмурясь, смотрела на Бриса и его сына, и, как ни странно, поодаль стоял Рин, зло сверкавший глазами.

- ...И как бы мне удалось привести к вам лорда Дайрика без отца, - капризным тоном говорила Изелле. - Конечно, больше никто не знает, но зачем?..

Сплетя щит из Духа, Морейн обрушила его на Мериан, вложив в бросок всю свою Силу, что сумела собрать, в отчаянной попытке отсечь ее от Источника. Щит ударил и... раскололся. Мериан оказалась слишком сильна, и Силы она зачерпнула почти до пределов своих возможностей.

Голубая - нет, Черная, - сестра и бровью не повела.

- Это хорошо, Рин, что ты убил шпиона, - безмятежно промолвила она, одновременно заткнув Изелле рот сплетенным из Воздуха кляпом и стянув девушку невидимыми путами. Та даже пошевелиться не могла и лишь вращала выпученными глазами. - Посмотрим, справишься ли ты на этот раз с юнцом. Не ты ли говорил, что твой меч - лучший?

Все случилось будто в одно мгновение. Ощерившись, Рин кинулся вперед, колокольчики в его косицах тихонько тренькнули. Лан едва успел обнажить свой меч, встречая атаку. И еще сталь не зазвенела о сталь, как Мериан ударила Морейн тем же плетением, которое использовала та, но куда более мощным. С ужасом Морейн поняла, что у Мериан достаточно сил, чтобы отсечь ее, хотя она и зачерпнула столько саидар, сколько сумела. Лихорадочно она принялась рубить Воздухом и Огнем, и Мериан охнула, когда отбитые потоки, отлетев обратно, задели ее. Воспользовавшись кратким мгновением, Морейн попыталась рассечь потоки, которыми были связаны Дайрик, Брис и Изелле, но прежде, чем ее плетение коснулось плетения Мериан, Черная сестра сама резанула потоки противницы. И на сей раз край щита Мериан коснулся Морейн раньше, чем она успела отбить его. Желудок у Морейн будто в узлы затянулся.

- Что-то, Морейн, ты зачастила к нам, - промолвила Мериан, словно бы они вели пустую болтовню. Да и вид у Черной сестры был такой же - безмятежный и по-матерински спокойный; казалось, она ничуть не взволнована. - Боюсь, придется спросить тебя, почему и зачем. - Морейн только-только исхитрилась рассечь плетение Огня, которое иначе спалило бы на ней одежду и наверняка обожгло бы все тело. Мериан улыбнулась - так мать лукаво улыбается дочери, когда той случается влипнуть в какую-нибудь историю. - Не беспокойся, дитя мое. Я исцелю тебя, чтобы ты ответила на мои вопросы.

Если у Морейн и оставались сомнения в том, что Мериан из Черной Айя, последнее плетение из Огня начисто уничтожило их. В следующие мгновения она получила и другие подтверждения - от новых плетений Мериан по платью Морейн забегали искры, а волосы ее встали дыбом; очередная атака Черной сестры заставила Морейн судорожно глотать вдруг исчезнувший воздух. Иных Морейн не могла распознать, но эти плетения, доберись они до нее, наверняка переломали бы ей кости или пустили кровь, не сумей она рассечь их...

Когда удавалось, Морейн раз за разом пыталась перерезать узы на Дайрике и других, пыталась отсечь Мериан от Источника, даже старалась оглушить ее. Она ясно понимала, что сражается за свою жизнь: если верх возьмет Мериан, то ее неминуемо ждет смерть - либо сейчас, либо после допроса Черной сестрой. И хотя Клятвы уже не ограничивали Морейн, она не могла действовать без оглядки. У нее самой найдется, о чем спросить Мериан, и от ее ответов зависит судьба всего мира. К несчастью, Морейн могла лишь защищаться, да и то с превеликим трудом. Внутри у нее все скрутило еще больше. Удерживая связанными трех человек, Мериан тем не менее на равных боролась с ней, а может, даже была сильнее. Если бы только Лану удалось отвлечь ее...

Кинув быстрый взгляд в его сторону, Морейн поняла, насколько тщетны были ее надежды. Лан и Рин танцевали один вокруг другого, вихрем кружились мечи, но если у кого и было на волосок преимущество, то у Рина. По щеке Лана струилась кровь.

С мрачной решимостью Морейн продолжала свои усилия, собрав всю свою волю до крупницы, всю себя в один кулак. Дрожа, она ударила Мериан, защитилась и вновь ударила, парировала и снова ударила. Если получится измотать ее или...

- Что-то это затягивается. Как по-твоему, дитя мое? - сказала Мериан. Дайрик взмыл в воздух и медленно поплыл к парапету, напрасно стараясь высвободиться из невидимых пут. Брис изогнул шею, следя взглядом за сыном; губы его яростно скривились за невидимым кляпом.

- Нет! - крикнула Морейн. В отчаянном порыве она выбросила потоки Воздуха, чтобы подхватить мальчика. Мериан рубанула по ним в тот самый миг, как освободила его от своих пут. Дайрик упал с громким воплем, и в голове Морейн будто взорвалась ослепительная молния.

Она открыла глаза, стихающий крик мальчика эхом отдавался у нее в ушах, а сознание будто окутывал какой-то туман. Она лежала навзничь на каменном балконе, голова кружилась. Пока в голове не прояснится, у Морейн столько же шансов обнять саидар, сколько у кошки запеть. Да теперь нет никакой разницы. Она видела тот щит, которым ее отгородила от Источника Мериан: такой щит, когда он поставлен, по силам удержать даже самой слабой женщине. Морейн попыталась встать, не смогла и упала, потом приподнялась на локте.

Прошли считанные мгновения. Лан и Рин под звон стали все так же двигались в смертельном танце. Брис застыл в своих путах, глядя на Мериан с такой неукротимой ненавистью, что казалось - еще немного, и сила его ярости освободит его. Изелле била крупная дрожь, по щекам текли слезы, она шмыгала носом и круглыми от ужаса глазами смотрела, куда упал мальчик. Куда упал Дайрик. Морейн заставила себя вспомнить имя мальчика, вздрогнула при воспоминании, какая радостная была у него улыбка. Но всего на мгновение.

- Думаю, с тобой мы закончим чуть позже, - заметила Мериан, отворачиваясь от Морейн. Брис взмыл в воздух. На лице коренастого мужчины не дрогнул ни единый мускул, он не отрывал полыхающего ненавистью взора от Мериан.

Морейн, пошатываясь, встала на четвереньки. Направлять она не могла. У нее не осталось ни храбрости, ни сил. Только решимость. Брис поплыл над парапетом. Морейн сумела встать, хотя колени подгибались, и ее шатало. Решимость. Не издав ни звука, с лицом, горящим ненавистью, Брис упал за парапет. Это нужно остановить. В воздух поднялась Изелле. Девушка судорожно извивалась, горло дергалось в тщетной попытке протолкнуть крик через кляп. Нужно остановить! Споткнувшись, Морейн вонзила свой поясной нож в спину Мериан; горячая кровь брызнула на руки.

Они обе упали на каменные плиты. Мериан умерла, окружавшее ее сияние погасло, и щит, отсекий Источник от Морейн, пропал. Закричала Изелле - путы Мериан исчезли, и теперь девушка едва удерживала равновесие на каменном парапете, судорожно размахивая руками, чтобы не сорваться. Привстав и заставив себя двигаться, Морейн перелезла через труп Мериан и схватила Изелле за руку в тот момент, когда туфли девушки соскользнули с опоры.

От сильного рывка Морейн швырнуло животом на камень парапета. Девушка висела над темной бездной, а Морейн скользкими от крови руками вцепилась в ее запястье. Могла она одно - изо всех сил стараться не разжать руки. Если она попытается втащить девушку на балкон, то они обе свалятся в пропасть. Лицо Изелле исказилось, застыло в маске ужаса. Рука ее потихоньку выskalзывалась из хватки Морейн. Заставив себя успокоиться, Морейн потянулась к Истинному Источнику, и... у нее ничего не вышло. При взгляде на крыши домов далеко внизу вновь

закружилась голова. Она еще раз потянулась к Источнику, но это было все равно что черпать воду растопыренной пятерней. Но надо спасти хоть одну из троих, пусть и толку от нее чуть. Борясь с дурнотой, Морейн упрямо потянулась к саидар. И тут рука Изелле выскользнула из окровавленных пальцев Морейн. Ей оставалось лишь смотреть, как падает девушка. Рука ее была вытянута, словно она надеялась, что кто-то все-таки спасет ее.

Чья-то рука оторвала Морейн от парапета.

- Не надо видеть чужую смерть, - сказал Лан, поставив Морейн на ноги.

Его правая рука висела плетью, разорванный рукав насквозь пропитался кровью. Кроме этой раны, были и другие, по лицу стекала струйка крови - у Лана была рассечена кожа на голове. Рин лежал навзничь в десяти шагах в стороне, с навеки застывшим в глазах удивлением уставясь в небо.

- Черный день, - пробормотал Лан. - Чернее я не видел.

- Подожди немного, - сказала ему Морейн. Голос ее прерывался. - Я далеко не уйду, очень голова кружится.

На подламывающихся ногах она подошла к телу Мериан. Да, никаких ответов ей уже не дожидаться. Черная Айя, как и прежде, останется под покровом тайны. Нагнувшись, Морейн выдернула свой нож и вытерла клинок юбками предательницы.

- Ты безжалостна, Айз Седай, - бесстрастно заметил Лан.

- Я безжалостна, насколько должна, - ответила она ему. Крик Дайрика по-прежнему звучал у нее в ушах. А перед глазами падала Изелле, запрокинув к ней лицо. - Похоже, Рин, хоть и Приспешник Темного, сильно ошибся. Ты оказался лучше него.

Лан слегка качнул головой.

- Нет, он был лучше. Но он думал, что со мной все кончено, раз я ранен и рукой двинуть не могу. Он никогда не понимал, что раньше смерти сдаваться нельзя.

Морейн кивнула. Раньше смерти сдаваться нельзя. Да, это верно.

Прошло немного времени, в голове у нее прояснилось, и она сумела вновь обнять Источник. Лана больше тревожило, что нужно сообщить шатайян о гибели Бриса и Дайрика, пока ее не известили о страшной находке на городских крышах. Судя по всему, Лану не слишком-то хотелось являться к леди Эдейн с известием о гибели дочери. Что вполне понятно. Морейн тоже тревожило, что время летит очень быстро, хотя причина ее беспокойства была иной. Как только Айз Седай сумела обнять саидар, она сразу же исцелила Лана. Он потрясенно охнул, когда сложное плетение Духа, Воздуха и Воды соединило края ран, срастило их, разгладив кожу и не оставив даже намека на шрам. Как и всякий после исцеления, он испытывал слабость, ему даже пришлось опереться на парпет и отдышаться. Какой уж из него в эту минуту гонец.

Морейн аккуратно приподняла тело Мериан, завела его за парпет, опустила поближе к голому горному склону. Потом сплела потоки Огня, и Черную сестру объяло пламя, столь жаркое, что горело оно без дыма, лишь слышалось тихое потрескивание и иногда приглушенно лопался от жара камень.

- Что ты?.. - промолвил было Лан, но потом спросил по-другому: - Почему?

Морейн заставила себя ощутить волны жаркого пламени - точно она стояла у разверстого горнила.

- Нет никаких доказательств, что она из Черной Айя. Только одно - она Айз Седай. - Белой Башне вновь понадобится покров тайны, куда более плотный, чем после гибели Малкир, но Морейн не имела права говорить об этом Лану. Пока еще рано. - Я не могу солгать о том, что здесь произошло, но я могу ничего не говорить. Ты будешь молчать или сделаешь за Тень ее работу?

- Ты очень жестокая женщина, - в конце концов произнес Лан. Больше в ответ он не сказал ничего, но и этого было достаточно.

- Я жестока настолько, насколько должна, - сказала она ему. Крик Дайрика. Лицо Изелле. Еще надо избавиться от тела Рина и от кровавых следов. Жестока, насколько должна.

Следующее утро было в Айздайшаре утром скорби. На всех шпилях колыхались белые стяги, все слуги выше локтя повязали длинные белые ленты. По городу уже расползались слухи о дурных знаменьях, возвещающих о смертях, о кометах в ночи, об огнях в небесах. Таково людское обыкновение - во всем они видят то, что им известно, то, во что они хотят поверить. Во всеобщем горе осталось незамеченным исчезновение Айз Седай, не говоря уже о пропавшем простом солдате.

Морейн возвращалась из покоев Мериан, где она уничтожила все ее имущество - после тщательного обыска, так и не давшего ни единой ниточки к другим Черным сестрам, - когда ей встретилась Эдейн Аррел. Айз Седай шагнула в сторону, пропуская медленно идущую по коридору женщину в белом длинном одеянии, с неровно обрезанными волосами. По слухам, леди Эдейн собиралась удалиться от мира, и Морейн решила, что это уже произошло. Глаза ввалились, взгляд казался разом постаревшим и чем-то очень напоминал Айз Седай взгляд Изелле.

Увидев вошедшую в комнату Морейн, Суан вскочила со стула. Казалось, минула не одна неделя, как Морейн виделась с подругой.

- У тебя такой вид, будто ты сунула руку за наживкой, а тебя вдруг цапнула клык-рыба, - проворчала Суан. - Ничего удивительного. Мне и самой не нравятся дни траура. Впрочем, нам тут делать нечего. Мы можем уезжать, как только ты будешь готова. Райхиен родился на ферме, что почти в двух милях от Драконовой горы. Из-за траура Мериан к нему не попадет. А имея лишь подозрения, она, будь даже и Черной, зла ему не причинит. Не тот. Что ж, подобного Морейн ожидала.

- Мериан больше никому зла не причинит. А сейчас, Суан, давай-ка разберемся с этой головоломкой. - Усевшись на стул, Морейн начала рассказ с конца и по-быстрому изложила подруге события минувшей ночи, невзирая на ее удивленные восклицания и требования подробностей. Морейн будто заново пережила ту ночь. Немного легче ей стало, когда она заговорила о том, что привело к ночному противостоянию. - Суан, больше всего она желала смерти Дайрика - и его она убила первым. И она пыталась убить Лана. А общее между ними - везение. Дайрик отделался ушибами и царапинами, хотя должен был разбиться насмерть. И все вокруг твердят, что Лан - самый везучий из ныне живущих людей, иначе Запустение убило бы его несколько лет назад. Все это складывается в некий узор, но я никак не могу его осознать. Просто мозги набекрень! Может, и тот твой кузнец - часть этого узора. И сдается мне, Джосеф Надзима из Канлуума - тоже. Он ведь тоже слыл везучим. Если сумеешь, Суан, разгадай эту задачку. Я чувствую, здесь кроется нечто важное, но мне не уловить что.

Суан принялась расхаживать по комнате туда-сюда, подбивая ногами юбки, теребя подбородок, бормоча то "везунчики, значит", то "вдруг откуда-то кузнец", то еще что-то, чего Морейн не разобрала. Вдруг Суан застыла на месте как громом пораженная и промолвила:

- Морейн, она ни сном ни духом не знала о Рахиене. Черным Айя известно, что Дракон Возродился, но будь я проклята, им же не известно когда! Может, Тамра не выдала этого, может, они переусердствовали и она умерла раньше, чем они сумели все выпытать. Должно быть, именно так! - Внезапно ее горячность обернулась ужасом. - О Свет! Они решили убить всех мужчин и мальчиков, которые могут иметь способность направлять Силу! Чтоб мне сгореть, Морейн, но ведь тогда погибнут тысячи. Десятки тысяч!

Каким бы жутким и ужасающим ни был вывод Суан, но смысл в нем был. Мужчины, способные направлять Силу, редко понимали, что они делают, по крайней мере вначале. На первых порах им как будто просто везло. Благоприятно складывались события, и очень часто, как тот кузнец, они нежданно-негаданно обретали известность. Суан права. Черные Айя решили устроить бойню.

- Но им неизвестно, что искать надо младенца, - заметила Морейн. Твердо, как и должна. - В маленьких мальчиках этот дар ничем себя не проявляет. - Самое раннее - в шестнадцать лет. Раньше, судя по архивным записям, не начинал направлять Силу ни один мужчина, и очень немногие - спустя десять лет после этого срока. - У нас больше времени, чем мы полагали. Но это не повод для беспечности. Любая сестра может оказаться Черной. Как Кадсуане, по-моему. Им известно, что поиски ведут и другие. Если кто-то из выбранных Тамрой отыщет мальчика, а Черные Айя найдут их обоих, или если они решат сначала ее допросить, а не убить сразу, как подвернется случай... - Суан молча смотрела на подругу. - Нам нужно продолжать, - сказала ей Морейн.

- Понимаю, - медленно произнесла Суан. - Просто я никогда не задумывалась... Ладно, коли надо работать, так пора тянуть сети и потрошить рыбу. - Но словам ее недоставало прежней напористости. - До полудня мы уже будем на пути в Арафел.

- Ты возвращаешься в Тар Валон, - сказала Морейн. Вдвоем они будут вести поиски не быстрее, чем Морейн в одиночку, а коли им нужно разделить, то для Суан не придумать лучшего места, чем помощница при Сеталии Деларме, в чьи обязанности входит просматривать сообщения всех "глаз и ушей" Голубой Айя. Голубая была маленькой Айя, но поговаривали, что у каждой Голубой сестры сеть соглядатаев куда больше, чем у любой из прочих. Пока Морейн ищет мальчика, Суан будет в курсе происходящего во всех странах и, зная, что искать, сумеет обнаружить любые следы Черной Айя или Дракона Возрожденного. Обычно Суан прислушивалась к голосу разума, нужно было лишь предоставить неопровержимые доводы, однако на сей раз Морейн пришлось потратить немало сил и времени, чтобы ее убедить, и с подругой Суан согласилась с весьма кислой миной.

- Сеталия мной дырки начнет затыкать за то, что я убежала без спросу, - ворчала Суан. - Чтоб мне сгореть! Да она меня в Башне вывесит коптиться! Морейн, политика эта такая штука, что с тебя в трескучий мороз семь потов сойдет! Как я ее ненавижу! - Но сама уже принялась рыться в сундуках, прикидывая, что возьмет с собой в дорогу до Тар Валона. - Думаю, ты не забыла предупредить того парня, Лана. Мне кажется, предостеречь его не помешает, а уж поможет ли это... Слышала, он уехал с час назад, отправился в Запустение. Ну, коли он там не погибнет... Куда это ты?

- Мне с ним еще надо одно дельце закончить, - только и ответила ей Морейн. В первый же день, как познакомилась с ним, она приняла решение и теперь твердо собиралась исполнить задуманное.

В конюшне, где оставалась Стрела, Морейн швыряла серебряные марки точно пенни, и в два счета кобыла была оседлана и взнуздана. Морейн вскочила в седло, ничуть не беспокоясь, что юбки задрались выше колен. Ударив лошадь каблуками, Айз Седай галопом вылетела из ворот Айздайшарского дворца и поскакала через город на север. Испуганные прохожие кидались

врассыпную, а когда какой-то возница, замешкавшись, не успел убраться с дороги, Морейн послала Стрелу вперед, и та лихо перескочила через пустую телегу. Позади раздавались суматошные крики, кое-кто грозил кулаком вслед лихой всаднице.

На дороге, ведущей на север, она, придерживав лошадь, расспросила ехавших на- встречу возчиков, не видели ли они мужчину, с виду Малкири, на гнедом жеребце. Услышав первое "да", Морейн почувствовала нечто большее, чем облегчение. Миновав мост через ров, Лан мог отправиться куда угодно, в любую сторону. И обогнав ее на целый час... Она нагонит его во что бы то ни стало, даже если ей придется отправиться в Запустение!

- Малкири? - Костлявый купец в темно-синем плаще был явно озадачен. - Ну да, охранники говорили, что видели его вон там. - Повернувшись на козлах, он указал на травянистый холм в сотне шагов от дороги. На самом виду, на гребне, стояли две лошади, одна - вьючная, и на утреннем ветерке вился дымок от костра.

Когда Морейн спешила, Лан едва поднял на нее взгляд. Стоя на коленях, он длинной веткой ворошил пепел погасшего костерка. Странно, но в воздухе явственно ощущался запах сгоревших волос.

- Я надеялся, мы с тобой больше не увидимся, - сказал Лан.

- И напрасно, - ответила ему Морейн. - Сжигаешь свое будущее? Многие станут горевать, если ты сгинешь в Запустении.

- Сжигаю свое прошлое, - сказал он, вставая. - Сжигаю воспоминания. Страну. Золотой Журавль больше не взлетит. - Лан принялся ногой засыпать пепел, потом помедлил, наклонился, сгреб полные горсти влажной земли и медленно, почти церемонно, высыпал ее на кострище. - Никто не станет горевать обо мне, когда я умру, потому что те, кто мог, уже мертвы. К тому же все смертны.

- Лишь глупцы хотят умереть раньше срока. Я хочу, чтобы ты, Лан Мандрагоран, стал моим Стражем.

Он не мигая уставился на нее, потом покачал головой.

- Как я сам не догадался, что дойдет до этого. У меня своя война, Айз Седай, и у меня нет желания помогать тебе опутывать мир тенетами Белой Башни. Поищи кого другого.

- Я сражаюсь в той же войне, что и ты, - в войне с Тенью. Мериан была Черной Айя. - И она рассказала ему все, начиная с Предсказания Гайтары Моросо, которое услышали Амерлин и две Принятые, и кончая теми выводами, к каким пришли они вдвоем с Суан. Для кого другого Морейн многое бы оставила недоговоренным, но между Стражем и Айз Седай почти не бывает тайн. Для кого другого Морейн смягчила бы суровую правду, но она не верила, что его испугают скрывающиеся в неизвестности враги, пускай они даже и Айз Седай. - Так говоришь, ты сжег свое прошлое. Оставим былому пепел прошлого. Это та же война, Лан. Даже самая важная битва в этой войне. И в ней ты можешь победить.

Несколько долгих минут он стоял и молча смотрел на север, в сторону Запустения. Морейн сама не знала, как ей быть, если он откажется. Она рассказала ему многое - столько она могла сказать только своему Стражу.

Вдруг Лан повернулся к ней, сверкнул меч, и на миг Морейн показалось, что он хочет напасть на нее. Вместо этого он как подрубленный пал перед ней на колени, обнаженный меч лежал у него на ладонях.

- Именем моей матери клянусь - я обнажу его, когда ты скажешь "обнажи", и спрячу в ножны, когда ты скажешь "спрячь". Именем моей матери клянусь - я приду, когда ты скажешь "приди", и

уйду, когда ты скажешь "уйди". - Лан поцеловал клинок и выжидающе посмотрел на нее. Он стоял на коленях, но любой король на троне показался бы рядом с ним образчиком смирения. Ради его же блага ей придется обучить его покорности. Иначе обмелеет немало прудов.

- И кое-что еще, - сказала она, возлагая руки ему на голову.

Плетение Духа было одним из самых сложных, известных Айз Седай. Оно окружило Лана, опутало его, слилось с ним и исчезло. И сразу она почувствовала его - как чувствуют своих Стражей Айз Седай. Его эмоции будто свернулись маленьким клубочком где-то в глубине ее сознания - твердая как сталь решимость, отточенная будто клинок меча. Она осознавала притупившуюся боль его старых ран. Если понадобится, она может почерпнуть у него сил, может отыскать его, сколь бы далеко он ни находился. Отныне они связаны узами.

Лан медленно, плавным движением поднялся, вкладывая меч в ножны и рассматривая ее.

- Те, кого там не было, называют ее Битвой у Сияющих Стен, - неожиданно промолвил он. - Те же, кто был там, называют ее Кровавым Снегом. И все. Они знают, что это за битва. Утром первого дня я вел за собой почти пять сотен воинов. Кандорцев, салдэйцев, доманийцев. К вечеру третьего дня половина либо погибла, либо была ранена. Прими я какие-то другие решения, некоторые из погибших были бы живы. Но где-то в другом месте погибли бы другие. На войне ты молишься за погибших и скачешь дальше, потому что за горизонтом всегда ждет новое сражение. Помолись за погибших, Морейн Айз Седай, и едем.

Ошеломленная, она чуть рот не раскрыла от изумления. У нее совсем вылетело из головы, что узы действуют в обе стороны. Он тоже чувствовал ее состояние и, видимо, разобрался в ее чувствах куда лучше, чем она - в его. Мгновение спустя она кивнула, хотя и не ведала, сколько нужно молить, чтобы забыть о прошлом.

Протянув Морейн уздечку Стрелы, Лан сказал:

- Куда мы отправимся сначала?

- Обратно в Чачин, - промолвила Морейн. - Потом в Арафел, и... - Осталось так мало имен тех, кого легко разыскать. - А дальше, если надо, - по всему миру. Либо мы победим в этой битве, либо погибнет мир.

Бок о бок всадники спустились с холма и направились на юг. Позади них под рокот грома наливалось свинцовым мраком небо - еще одна поздняя гроза накатывалась из Запустения.